М. Е. ВЛАСОВ

КЛАССЫ И КООПЕРАЦИЯ В ДЕРЕВНЕ СССР

К ВОПРОСУ О РАЗМЕЖЕВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОЮЗА
Москва—1925 г.

М. Е. ВЛАСОВ

КЛАССЫ И КООПЕРАЦИЯ В ДЕРЕВНЕ СССР

(К ВОПРОСУ О РАЗМЕЖЕВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ).

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОЮЗА
МОСКВА — 1925 г.

Отпечатано в типографии Центросоюза в количестве 5000 экз. Москва, Денисовский переулок, д. № 30.
Главлит № 37482

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

„Для упорядочения дальнейшей кооперативной работы в деревне должно быть внесено некоторое распределение функций между сельско-хозяйственной и потребительской кооперацией, а также согласованность их в тех или других вопросах".

Из постановлений XIII-го С'езда РКП(б).

Вопросы крестьянской жизни, ставшие в центре внимания советской общественности со времени ленинского завета „о смычке города с деревней", в последнее время, когда Коммунистическая партия выбросила лозунг: „лицом к деревне", приковали к себе еще более прочно и на очень долгое время внимание, как партии, так и всего рабочего класса Советской республики. А среди этих вопросов одно из виднейших мест занимают вопросы деревенской кооперации. Поэтому выяснение такого, в достаточной степени больного, вопроса, как взаимоотношения между различными ветвями кооперации в деревне, является вполне своевременным.

Было время, когда потребительской кооперации отводилось господствующее положение и в деревне. Это было время, своего рода, потребительского „империализма", „интеграла" вокруг ЕПО, и зависимого положения сельско-хозяйственной кооперации... Теперь мы переживаем другой момент, когда середняк крестьянин все боле и более привлекает к себе внимание Советской власти, когда его общественная роль все время идет на повышение. Естественно, что и сельско-хозяйственная кооперация в деревне также выдвигается на первое место, окружается атмосферой сочувствия и содействия. Потребительская кооперация в деревне

уже попадает в тень; ей грозит некоторая опасность недооценки ее роли в нашей деревне. При таком положении весьма полезно нащупать ту грань, которая размежевывает области деятельности потребительской и сельско-хозяйственной кооперации в деревне и отводит каждой из них подобающее ей место. Необходимость разграничения работы обоих видов кооперации признал и последний XIII-й с‘езд РКП (б).

Однако, этот сложный вопрос требует к себе чрезвычайно вдумчивого и осторожного подхода. Нет области, которая более болезненно отзывалась бы на неправильные мероприятия, чем кооперация. Как провести „распределение“ работы между обоими ветвями сельской кооперации и как достигнуть требуемой партией „согласованности их в тех или иных вопросах“, чтобы это распределение было жизненным и чтобы эта согласованнтсть была полной и действительной — вот в чем заключается трудность вопроса. Для нас, при этом, является очевидным, что правильный марксистский подход к этому вопросу не может быть сделан без учета классового содержания обоих видов кооперации, без выяснения классовой сущности потребительской и сельско-хозяйственной кооперации. А это нас вплотную подводит к вопросу о классовой характеристике современного крестьянства. Поэтому мы и начинаем нашу работу с этого последнего вопроса.*)

---

*) „Социально-экономическая сторона вопроса о разделении труда в кооперации в основном сводится к вопросу об экономических взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством“.

Фишгендлер „К вопросу о разделении труда в кооперации“.

ГЛАВА I.

Классовые группировки в крестьянской массе

1. До Октябрьской революции

Уже в 90 годах прошлого века т. Ленин в „Развитии капитализма в России“ первый со статистическими материалами в руках установил наличность классов в крестьянстве, образовывающихся вследствие его разложения под влиянием внедрения в деревню товарных отношений. В настоящее время мы имеем достаточное количество новых доказательств расслоения крестьянства, какими в то время т. Ленин не мог располагать и которые вполне подтверждают все его выводы.

Расслоение крестьянства в период, изображенный т. Лениным в „Развитии капитализма в России“, т.-е. в конце 80-х и начале 90-х годов, представляло собой следующую картину.

Группировка по числу лошадей.

	Безлошад.	с 1-ой лош.	с 2-мя лош.	с 3-мя лош.
% хозяйств.	27,3%	28,6%	22,1%	22,0%

При этом верхняя группа владела более, чем половиной 56,3%,—всех крестьянских лошадей.

Группировка по количеству скота, вообще *).

	Без скота.	с 1 гол. ск.	с 2-мя гол.	с 3-мя и более.
% хозяйств.	24,7%	28,6%	26,0%	20,7%

---

*) Эти данные охватывают немногим менее четвертой части всего числа крестьянских дворов Северной России.—Ленин. „Развитие капитализма в России“, стр. 81.

При этом верхняя группа владела почти половиной 47,7% всего скота (а низшая группа—с 1 гол. скота—имела всего 18,6% скота).

По этому поводу т. Ленин пишет (стр. 83 „Развитие капитализма в России"): „Если пятая доля дворов сосредоточивает половину всего числа лошадей, то отсюда безошибочно можно заключить, что в ее руках не менее (а вероятно, более) половины всего земледельческого производства крестьян. Такая концентрация производства возможна только при концентрации в руках этого состоятельного крестьянства большей части купчих земель и крестьянской аренды, как вненадельных, так и надельных земель. Именно, это состоятельное меньшинство главным образом покупает и арендует земли, несмотря на то, что оно, наверное, наилучше обеспечено надельной землей. Если „средний" русский крестьянин в самый хороший год едва-едва сводит концы с концами (да и то неизвестно, сводит ли), то это состоятельное меньшинство, обеспеченное значительно выше среднего, не только оплачивает все расходы самостоятельным хозяйством, но и получает избытки. А это значит, что оно является товаропроизводителем, что оно производит земледельческие продукты на продажу. Мало того, оно превращается в сельскую буржуазию, соединяя с сравнительно крупным земельным хозяйством торговопромышленные предприятия."

Что же произошло с расслоением в дальнейшем?

К 1901 г. за последнее 10-летие прошлого века произошли следующие изменения в крестьянстве.

Если наличные цифры этого периода, показывающие % хозяйств в каждой группе принять за 100, то в 1901 г. они будут следующими:*)

Безлошад.	с 1 лош.	с 2 лош.	с 3 лош.	с 4 лош.	с 5 лош.	с 6 л и более.
125	122	96	65	57	45	40

Тов. Невский видит здесь диференциацию. Если бы он доказал, по примеру т. Ленина в „Развитии капитализма", что группа с 3-мя и более лошадьми, несмотря на свое численное сокращение, владела в 1901 г. не половиной лошадей, как это было в начале 90 годов, а, скажем, 3/5 их, то при этом условии была бы диференциация. А в том виде, как изображено у него, процесс смахивает скорее на измельчание всех групп, сдвиг их вниз, чем на расслоение, на пауперизa-

*) Невский. „Очерки по истории РКП", стр. 288.

цию (обнищание), чем на диференциацию *): увеличилось число безлошадников и однолошадников, почти не изменилось число двухлошадников и сильно уменьшились все высшие группы.

Остатки крепостничества в большей части России в этот период еще стягивали железными обручами развитие крестьянского хозяйства, что и привело, вместе с другими причинами, к первой нашей революции, несмотря на неудачу ее, все-таки сломившей часть феодальных пережитков (выкупные платежи, земских начальников, зависимость от общины, часть паспортных и других сословных ограничений) **).

Уже иную картину представляет собой изменение пропорции крестьянских группировок в XX веке до второй русской революции ***).

	Безлошад.	с 1 или 2 л.	с 3 или бол. лош.
1901 г.	33,5	60.8	5,7
1917 г.	29,0	66,2	4,8

*) „Между 1887 и 1900 г.г. посевная площадь в Европ. части СССР выросла только на 2 милл. дес.. с 65,2 до 67,2 мил. дес., т.-е. на 3%, тогда как сельское население увеличилось почти на 20%“.

См. „Перспективы развития сельского хозяйства СССР“ Кондратьев и Огановский, стр. 47.

По данным этой книги аграрный кризис в центральных районах выразился в сокращении посевных площадей с 1887 по 1900 г.; в нечерноземном центре на 13% и в черноземном — на 5%.

**) А. А. Мануйлов в своей книге „К теории сельско-хозяйственной эволюции“, приведя статистические данные об изменениях в группировках крестьянских хозяйств за этот же период, говорит следующее: „Как видим, данные эти слишком незначительны для каких-либо выводов. Можно признать достаточными цифры лишь по Полтавской губ. и 5-ти уездам Воронежской г. Кстати сказать, именно эти данные говорят о сдвиге вниз, а не о дифференциации“.

Однако, в отдельных местах юга России и в этот период расслоение, несомненно, происходило, и это, на наш взгляд, подтверждается данными, взятыми из той же книги по Мариупольскому уезду (стр. 70):

Процент хозяйств.	Без посев.	С посев. до 20 д.	Свыше 20 д.
В 1886 году	4,6	83,1	12,3
„ 1901 „	6,8	73,5	19,7

Расслоение здесь признает и А. А. Мануйлов.

***) Для 1901 года взяты 31 губ. Евр. России—по книге т. Невского. стр. 288, а для 1917 г.—22 губ. РСФСР—по книге А. И. Хрящевой, стр. 54.

Эти цифры, как-будто, говорят скорее о некоторой нивеллировке, хотя и сравнительно малой для такого большого периода как 17 лет, чем о расслоении крестьянских хозяйств. А между тем как раз в этот период, „благодаря усиленному росту городского населения, почти удвоившегося в период 1897—1916 (с 11,3 мил, до 21,6 мил.) и расширению промышленности, продукция которой за 1900—13 г. возросла на 83%, вырос необычайно внутренний рынок сельско-хозяйственных продуктов. Одновременно не менее сильно возростал и внешний“*). Следовательно, товарность крестьянских хозяйств, а вместе с ней и расслоение их неизбежно должны были развиваться.

Чтобы разобраться здесь, вспомним, как к этому вопросу подходит т. Ленин. „Экономический анализ заставляет различать в вопросе о капитализме в России земледельческий центр, с обильными остатками крепостничества,—и окраины с отсутствием или слабостью этих остатков, с чертами свободной крестьянской капиталистической эволюции“...**)

В этот период на ряду с ростом капиталистических отношений в хозяйстве Новороссии, Юго-Востока и других окраин прочно держались кабально-крепостнические отношения в центральных районах России. Арифметическая же сумма тех и других явлений только и может дать такой не вполне определенный результат, какой изображен в приведенных выше цифрах.

Кроме того, мы не можем вполне оценить происходящих в деревне процессов, если не будем принимать во внимание взаимоотношений ее с городом, и в первую очередь, процесс выселения из деревни в город пролетаризирующейся части крестьянства.

А как раз за это время население городов увеличилось на 10 миллионов человек большею частью за счет переселений в них сельских жителей. Методами динамических исследований, состоящих в прослеживании судьбы конкретно взятых крестьянских хозяйств, А. И. Хрящева установила, что за период 11 лет от 1898—1909 г. в Тульской губернии из деревни ушло в город: безземельных на 20%, а богатых крестьян на 15%. Таким образом, наиболее законченные продукты разложения крестьянства уносились из деревни, затрудняя тем самым изучение процесса расслоения на оставшихся дворах методами исследования только одной статики крестьянских группировок. Капиталистический город не только разлагает

*) Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Проф. Кондратьев и проф. Огановский, стр. 48.

**) Ленин, т. IX, стр. 466. См. также т. IX, стр. 461 и т. III, стр. 517.

натуральную деревню, но и поглощает в значительной мере продукты этого разложения.

Не имея возможности подробнее останавливаться на этом периоде, так как это далеко бы нас отвлекло от основной нашей темы, перейдем к положению классов в крестьянстве в пореволюционное время*).

2. После Октябрьской революции.

В период военного коммунизма, когда город не представлял собою сколько-нибудь значительного рынка для продуктов сельского хозяйства, когда свободная торговля была вовсе запрещена, деревня в ответ на это стала двигаться назад, к натуральному хозяйству, что, естественно, должно было сопровождаться и нивелировкой, поравнением крестьянских дворов. Пропорция посевных групп крестьянских хозяйств, как раз на это и указывает.

% хозяйств.**)	Без пос.	До 2 дес.	От 2—4 дес.	Выше 4 дес.	Обе крайние группы
В 1917 г.	11	30	30	29	40
В 1920 г.	5	48	32	15	20

*) В № 1 журнала „На аграрном фронте“ за 1925 г. А. И. Хрящева приводит следующие сравнительные данные за 1891 и 1917 год по одному и тому же Екатеринбургскому району:

Группы крест. хоз.	% хозяйств. в группе.	% раб. скота.		% пос. площ.	
		в 1891 г.	в 1917 г.	в 1891 г.	в 1917 г.
Низшая	50	30,5	26,0	21,2	19,1
Средняя	30	27,2	34,0	23,7	32,7
Высшая	20	42,3	40,0	55,1	48,2

Половина наиболее бедных дворов за эти 1/4 века еще более обеднела, что соответствовало бы процессу расслоения, если бы перераспределение скота и посева произошло в пользу высшей группы, в действительности даже несколько подавшейся вниз, а не в пользу средней группы, как на самом деле. А. И. Хрящева все же готова видеть здесь расслоение на том основании, что разница доли высшей группы сравнительно с низшей по по количеству раб. скота увеличилась на 2,2%, хотя по посевн. площади эта разница опять же сократилась на 4,8%.

Думается, что более надежные основания для вывода о расслоении получились бы, если бы была возможность выделить период между революциями 1905 и 1917 г. А еще вернее искать отчетливые признаки расслоения в степных окраинных районах страны, которые давали большую часть сельскохозяйственной продукции.

**) „Группы и классы в крестьянстве“ А. Хрящева.

Но вот военный коммунизм сменился новой экономической политикой, преграды для свободного развития крестьянского хозяйства были сняты. Как отразилась эта перемена политики на классовом строении крестьянства? Началось ли и как далеко продвинулось вперед расслоение крестьянства за годы НЭП'а?

— Несмотря на частые утверждения многих наблюдателей современной нашей деревни, что расслоение в ней происходит, оффициальная наша статистика это расслоение определенно еще не установила. Так А. И. Хрящева, основываясь на данных Ц. С. У., в своей книге „Группы и классы в крестьянстве" говорит: „Количественно диференциация деревни не дала еще сколько-нибудь ощутительных результатов"**). Приводимые же этим автором цифры могут подсказать даже представление о нивеллировке, равнении всего крестьянства на середину: мы видим изчезновение самых крайных групп.

	Безхоз., безпос.	Маломощ.	Ниже сред	Сред.	Зажит.	Богат.
1920 г.	7,5	32,4	32,0	18,0	7,4	2,7
1923 г.	3,2	39,4	31,6	17,8	6,2	1,8

Но если мы эти 6 групп об'единим по две, то изменение группировок за 3 года покажется не столь существенным и довольно неопределенным.

% хозяйств по СССР.	Безхоз. и маломощ.	Средних и ниже средн.	Зажиточ. и богат.
1920 г.	39,9	50,0	10,1
1923 г.	42,6	49,4	8,0

Большая ясность изменений в составе крестьянских хозяйств получится, если мы будем различать период голода и период после него, так как в эти периоды происходят противоположные явления; в первый, в общем, наблюдается сдвиг хозяйств всех групп вниз, во второй же общий под'ем их:

**) Однако, в упомянутой статье в № 1 „На аграрном фронте" А. И. Хрящева уже находит основания для утверждения об „углублении экономического расслоения крестьянства" в период Нэп'а (стр. 83).

(Данные по 48 губерниям РСФСР о группировках по количеству рабочего скота)

% хозяйств.	Без раб. ск.	С 1 гол.	С 2 гол. и более.
1920 г.	26,6	51,0	22,4
1922 г.	37,1	50,0	12,9
1923 г.	30,6	54,6	14,8

Но чтобы добиться правильного решения вопроса об изменениях в классовом строении крестьянства под влиянием НЭП'а, мы должны и на этот раз, по примеру т. Ленина, рассматривать затронутый вопрос отдельно для основных районов Союза СССР. В главнейших районах Европейской части Союза в 1923 году мы имеем следующие группировки крестьянских хозяйств по посевной площади:

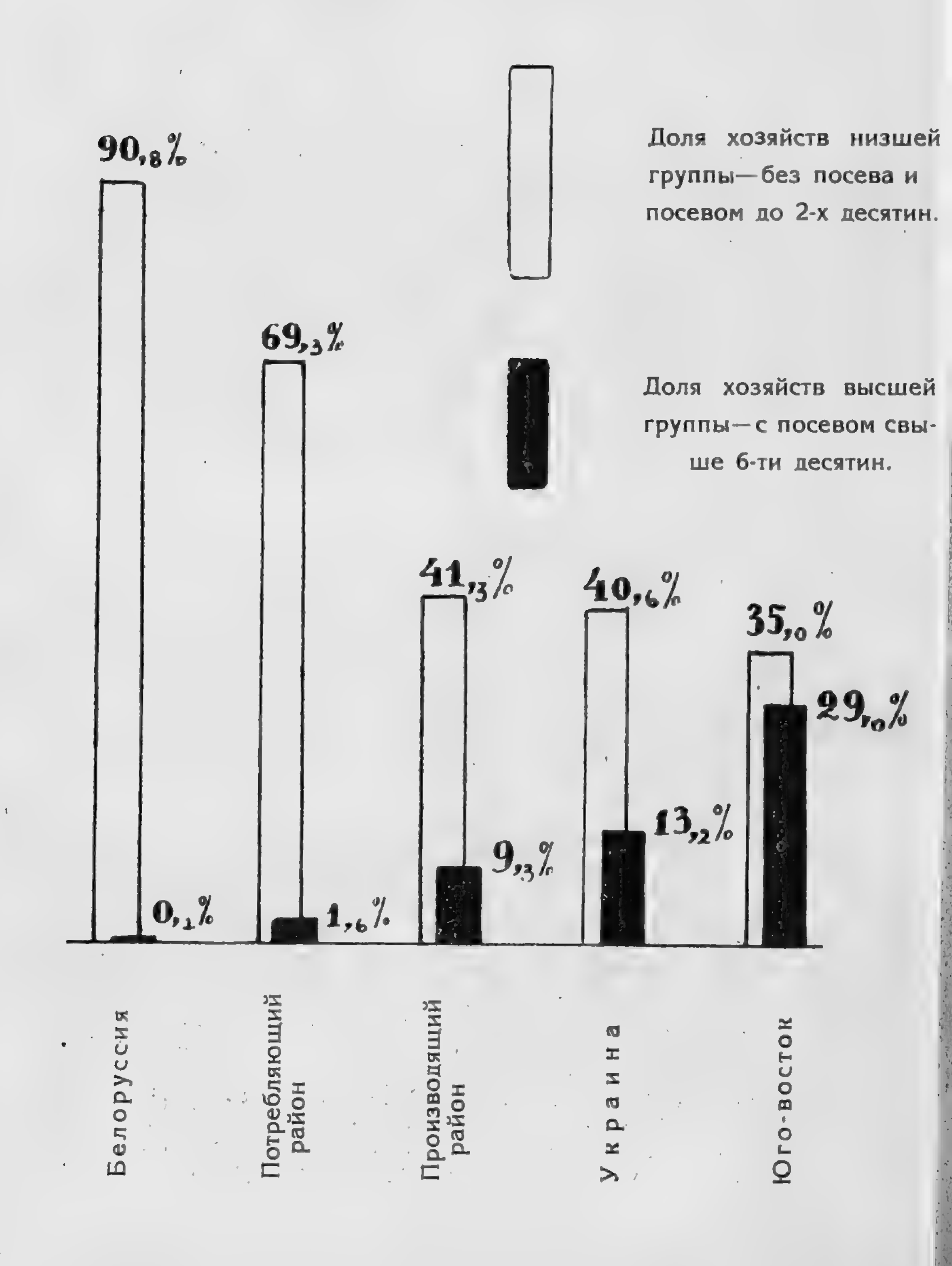
% хозяйств:	Безпос. и с пос. до 2 д.	От 2—6 дес.	Выше 6 дес.
Белоруссия	90,8	9,1	0,1
Потребл. губ.	69,3	29,1	1,6
Производ. губ. . . .	41,3	49,2	9,5
Украина	40,6	46,2	13,2
Юго-Восток	35,0	36,0	29,0
По СССР	48,8	41,5	9,7

Здесь мы имеем отчетливую закономерность изменения классового строения крестьянства при переходе с севера и запада на юго-восток. Если мы сосредоточим внимание только на крайних группах—низшей и высшей, то увидим два ряда цифр, правильно изменяющихся в противоположных направлениях:

Низшая группа:—без посева и с пос. до 2 дес.	90,8	69,3	41,3	40,6	35,0
Высшая группа:—с пос. более 6 дес. . .	0,1	1,6	9,5	13,2	29,0

Диаграмма № 1

Изменение классовой характеристики крестьянства при переходе с северо-задада на юго-восток Европ. части СССР в 1923 г.

В то же время средняя группа наибольшую величину имеет в середине ряда, уменьшаясь к обоим краям.

Средняя группа:					
посев от 2—6 дес.	9,1	29,1	49,2	46,2	36,0

Здесь необходимо предварительно уяснить себе, что представляет собой низшая группа, т.-е., что такое хозяйство, имеющее не более 2 дес. посева. В дореволюционное время такой размер посева обозначал, что большую часть своего бюджета крестьянин получает от посторонних заработков; иначе сказать, что он, по крайней мере, наполовину является пролетарием. (См. диаграмму № 12).

И в настоящее время прокормить семью при посеве до 2 дес., т-е., в среднем, на 1 десятине, так же невозможно, как и в дореволюционное время*).

И вот таких-то хозяйств в Белоруссии насчитывалось в 1923 г. $^{9}/_{10}$, а в потребляющем районе—$^{2}/_{3}$ всего числа дворов. Следовательно, это - район огромного преобладания полупролетарских крестьянских хозяйств.

В районе производящих губерний мы имеем самую крупную группу (около половины), как и вообще по всему СССР. средних хозяйств с посевами от 2—6 дес. При среднем размере крестьянской семьи в 5 — 6 человек это — такая площадь посева, которая, как правило, не может дать заметных излишков для продажи, это—хозяйства не торгового земледелия, а преимущественно натурально-продовольственного типа.

Наконец, на Юге-востоке мы имеем большую, чем во всех остальных районах, равную $^{3}/_{10}$, группу хозяйств, сеющих свыше 6 дес., и, следовательно, обладающих уже некоторым избытком для продажи**). Эту группу мы отнюдь не зачисляем целиком в категорию „кулаков", т.-е. эксплоататоров своих же односельчан; значительное большинство ее должно быть отнесено также к середнякам, но уже *крепким* середнякам,

---

*) В № 5 6 „Большевика" за 1925 г. в ст. А. И. Хрящевой мы находим следующие данные:

	Без пос.	С пос. до 2 дес.
% хоз. с промыслами в 1924 г. . . .	60,0	48,1
% работников в промыслах в 1923 г.	66,3	47,2

**) На юго-востоке группа с посевом свыше 6 дес., равная в 1923 г. 29,0%, почти совпадает с группой хозяйств, имеющих не менее 2 лошадей (29,2% по Сев. Кавказу), и группой хозяйств, имеющих не менее 2 коров (30,5%) в том же 1923 году. А у этих групп, по нашим вычислениям, было более 66% лошадей и 62% коров. См. А. П. Смирнов „Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства", стр. 18—19.

постоянно связанными *с рынком* в качестве продавцов своих продуктов. Понятно, из среды как раз этих крепких середняков и выростает кулак, как из среды городских ремесленников может выростать городской капиталист.

Украина занимает среднее место между Юго-Востоком и Производящим районом, что об'ясняется тем, что бывшая Новороссия, степная причерноморская часть Украины, является естественным продолжением Юго-Востока, а северная ее часть может быть приравнена к Производящему району*).

С соответствующей этому замечанию поправкой мы получаем изображенную на прилагаемой здесь карте схему географического распределения классов, преобладающих по своему хозяйственному удельному весу в крестьянстве того или иного района и представляющих большую часть сельскохозяйственного производства этого района**).

3. Характеристика изменений в соотношениях классов в крестьянстве разных районов.

Что же происходит с классовыми группировками крестьянства во всех этих районах?

Начнем *с Юго-Восточного района.*

Здесь в период 1920—22 г. под влиянием голода происходила нивелировка, но затем, по миновании его, начался

*) „По Украине рост сельского хозяйства в районах товарного экстенсивного хозяйства, в южной степной полосе Украины (Одесск., Екатер. и Донецкая губ.) идет более усиленным темпом, с относительно быстрым развитием товарных отношений". „Большевик" за 1925 г. № 3—4, стр. 53. Ст. т. Терлецкого.

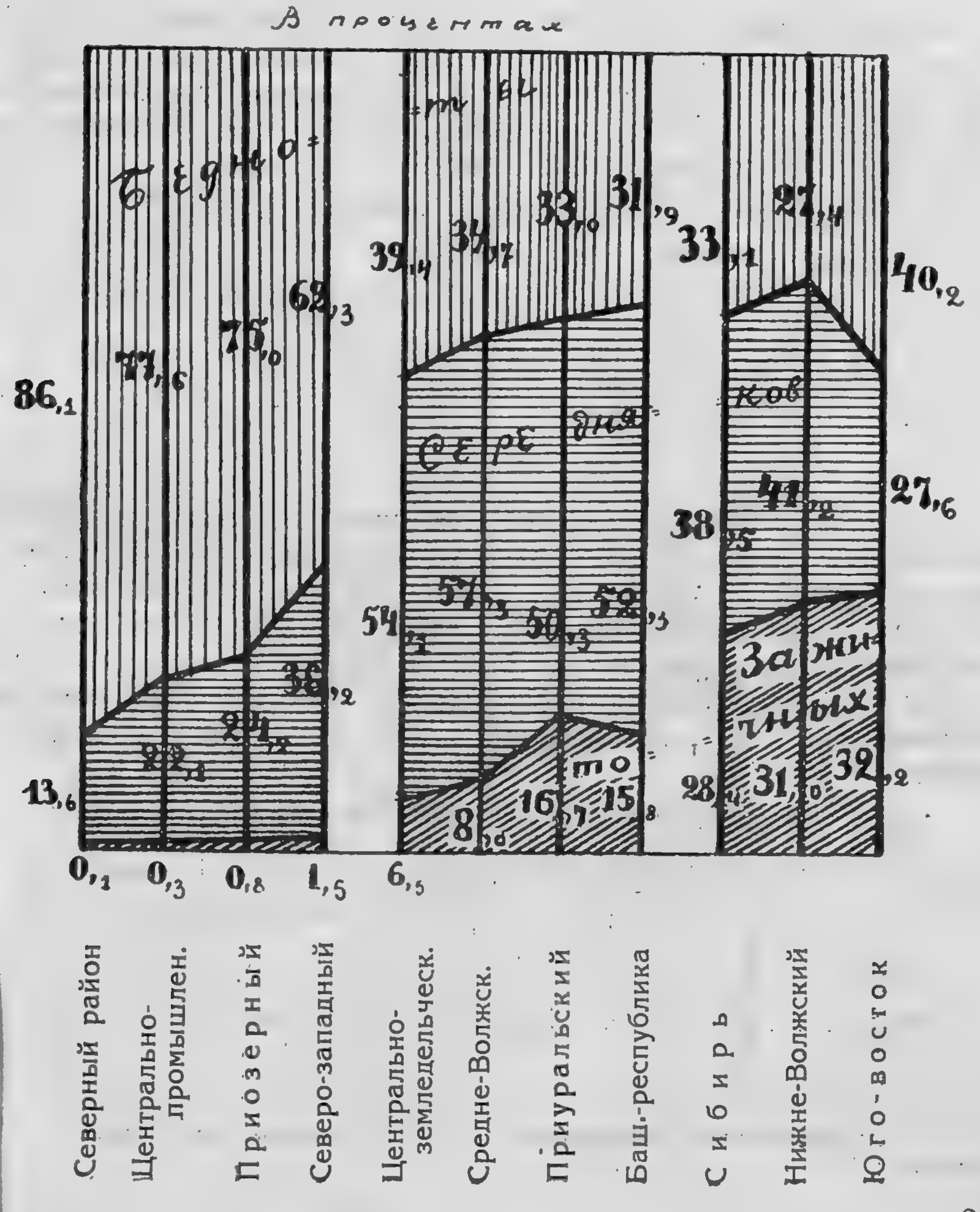
**) Более подробное распределение на районы по этому признаку мы имеем по РСФСР для 1920 года: (См. таб. и диаграмму № 2).

Процент хозяйств по районам.	Северный.	Приозерный.	Центрально-Промышлен.	Северо-Западный.	Центрально-Земледельческ.	Приуральский.	Башреспублика.	Средне-Волжский.	Нижне-Волжский.	Юго-Восток.	Сибирь.
Не сеющих и сеющих до 2 дес.	86,1	75,0	77,6	62,3	39,4	33,0	31,9	34,7	27,4	40,2	33,1
Сеющие от 2—6 д. .	13,6	24,2	22,1	36,2	54,1	50,3	52,3	57,3	41,2	27,6	38,5
Сеющие более 6 дес.	0,1	0,8	0,3	1,5	6,5	16,7	15,8	8,0	31,6	32,2	28,4

Диаграмма № 2

Классовые различия по районам Р. С. Ф. С. Р. в 1923 г.

Районы преобладания бедноты (без посева и с посевом до 2-х десятин)	Районы преобладания середняков (с посевом 2—6 десятин)	Районы преобладания зажиточных (с посевом выше 6 десятин)

процесс расслоения, что совершенно ясно видно из следующих цифр *):

Процент хозяйств:	Без пос.	С пос. до 6 д.	Выше 6 дес.	Крайние группы.
В 1920 г.	$31^1/_2$	$41^1/_2$	27	59
В 1922 г.	$17^1/_2$	$61^1/_2$	21	39
В 1923 г.	$18^1/_2$	$54^1/_2$	27	46

Для всего Северного Кавказа (13 округов и автон. области), района, в значительной части совпадающего с „Юго-Востоком“, мы имеем данные и за 1924 г., взятие из брошюры А. И. Смирнова „Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства“.

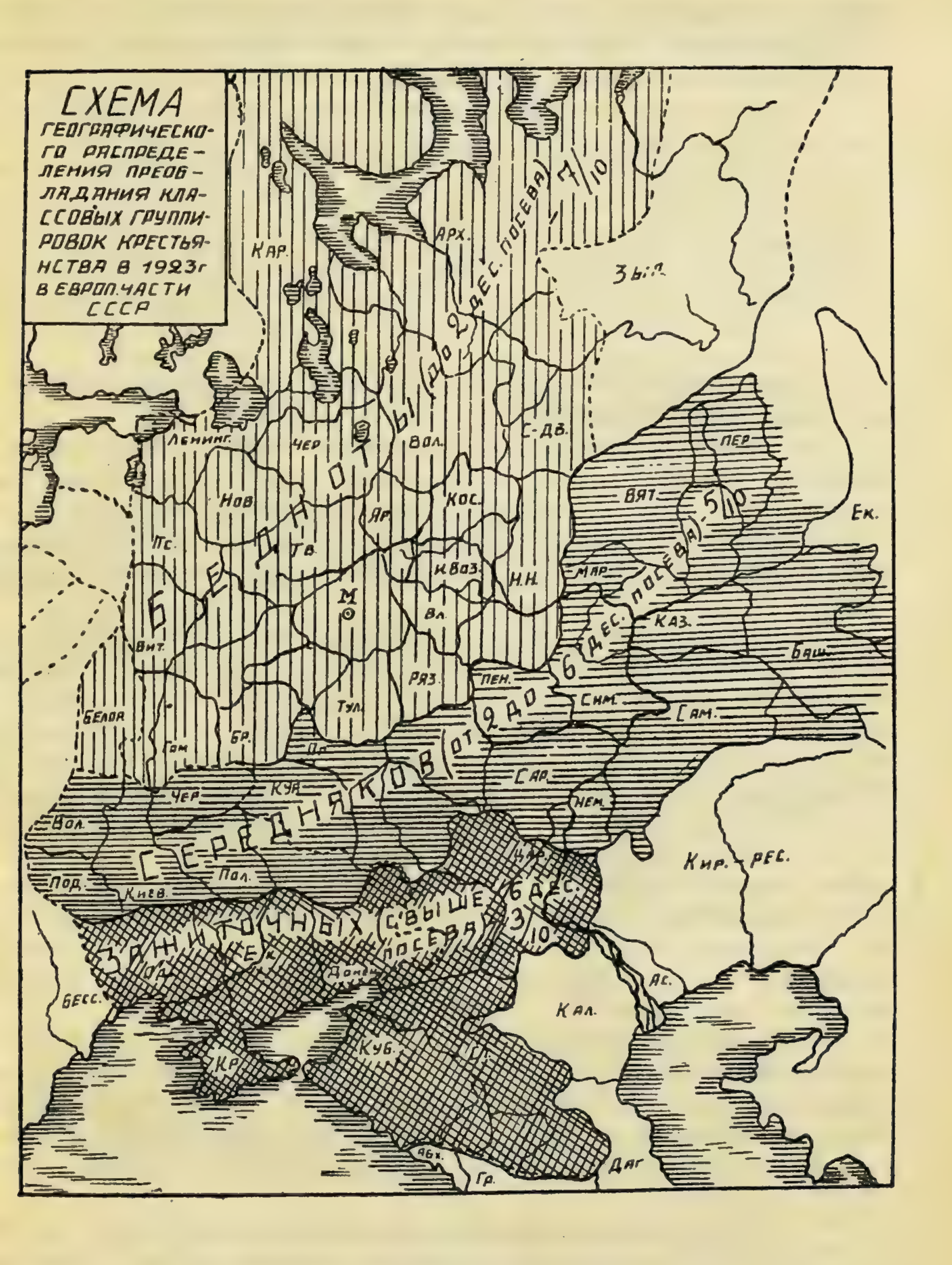
Процент хозяйств:	Без пос.	До 4 д.	От 4—10 д.	Свыше 10 д.
1923 г.	11,4	33,7	34,5	15,4
1924 г.	7,8	41,7	35,0	15,4

Здесь как будто процесс расслоения не подтверждается: наибольшее увеличение дает малопосевная группа. Самая верхняя группа почти не изменилась, а нижняя беспосевная заметно уменьшилась. Скорее напоминает процесс, приближающийся к нивелировке с общим улучшением всех групп.

Но при ближайшем рассмотрении вопрос осложняется. Группировка по рабочим лошадям дает совсем другую картину:

% хоз.	Без лош.	С 1 л.	С 2 л.	С 3 л.	С 4 л. и более.
1923 г.	36,4	31,4	19,9	6,0	3,3
1924 г.	41,1	34,2	17,2	4,8	2,7

*) „Экономическое Обозрение“ за 1924 г., вып. 9—10. Статья А. И. Хрящевой.

СХЕМА
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕОБЛАДАНИЯ КЛАССОВЫХ ГРУППИРОВОК КРЕСТЬЯНСТВА В 1923 г. В ЕВРОП. ЧАСТИ СССР
БЕДНОТЫ (ДО 2 ДЕС. ПОСЕВА) 7/10
СЕРЕДНЯКОВ (ОТ 2 ДО 6 ДЕС. ПОСЕВА) 5/10
ЗАЖИТОЧНЫХ (СВЫШЕ 6 ДЕС. ПОСЕВА) 3/10
Кар.
Арх.
Зыр.
Ленинг.
Чер
Вол.
С-Дв.
Пер
Вят.
Нов
Кос.
Яр
Ек.
Пс.
Тв.
Иваз.
Н.Н.
Мар
Каз.
М
Вл.
Вит.
Баш.
Ряз.
Пен.
Сим.
Сам.
Белор
Тул.
Гом
Бр.
Сар.
Чер
Кур
Вол.
Нем.
Пол.
Кир. рес.
Под.
Киев.
Бесс.
Донец
Ас.
Кал.
Кр
Куб.
Абх.
Гр.
Даг

Здесь низшие группы увеличились, а высшие уменьшились; следовательно, произошло общее ухудшение всех групп.

Группировка по количеству коров представляет легкое отражение изменений групп по числу лошадей.

% хоз.	Без кор.	С 1 кор.	С 2 кор.	С 3 кор.	С 4 к. и более.
1923 г. . . .	26,2	43,3	22,2	5,1	3,2
1924 г. . . .	27,3	43,6	21,0	5,0	3,1

Следовательно, и по обеспеченности коровами произошло некоторое ухудшение во всех группах.

Но этому противоречит увеличение общего количества скота на Юге-Востоке за этот период, с 8,5 мил. голов до 9,5 мил., при чем количество лошадей увеличилось на 2%, а количество крупного рогатого скота—на 9% *). И это вполне согласуется с общим расширением посевной площади в этом районе.

Чтобы примирить все эти противоречия, необходимо принять во внимание, что основой расслоения теперь, после революции, является не земля, а „движимый“ капитал, инвентарь, и, в частности, рабочий скот. В этом же отношении мы видим несомненный рост на Юге-Востоке низшей группы—безлошадников до 41,1%; если при этом общее количество лошадей не уменьшилось, а даже немного увеличилось (на 2%), то, это значит, произошло перераспределение их в пользу самой высшей группы—с 4-мя и более лошадьми, которая при уменьшившемся своем числе все-таки увеличила количество своего скота. Остальные группы вследствие общего понижения их обезпеченности лошадьми, этого избыток скота не могли поглотить **).

То же можно сказать и относительно коров. Уменьшение беспосевной и увеличение малосеющей групп означает только рост особой категории бедноты на Юго-востоке (и на Украине), которая производит ничтожный карликовый посев в 1—2 дес. *чужим плугом на чужой лошади за отработки.*

---

*) Статья Капитонова в журнале „Большевик“ за 1924 г. № 15—16.

**) Надо думать, что в группировке по лошадям на Сев. Кавказе в брошюре т. Смирнова волы также приняты во внимание. По этим данным, в 1923 г. безлошадных“ здесь было 36,4%, а по данным Ц. С. У. хозяйств „без рабочего скота“ в том же 1923 г. на юго-востоке было 37,3%, цифры близкие, но во всяком случае не имеющих ни лошадей, ни волов не может быть больше, чем безлошадников.

В 1924 г. эта группа составила 41,1—7,8 = 33,3% т. е. целую треть дворов Юго-востока. Это доказывает несомненный процесс здесь расслоения крестьянских хозяйств, ибо отрабатывающий крестьянин безлошадник — есть действительный полупролетарий.

На Юго востоке, следовательно, расслоение крестьянства, стало происходить как только к этому представилась первая возможность (кончилась гражданская война и голод), хотя частые здесь засухи (в 1921 г. и 1924 г.) и не дали еще, как следует, развернуться развитию сельского хозяйства. Количество лошадей в 1924 г. в %% к 1916 году было*):

В Кирреспубл.	На Юго-востоке.	Производящ. р.	Украина.	Сибирь.	Потребл. район.
46	48	61	71	87	106

Что касается Украины, находящейся в части своей в таких же условиях, как и Юго-восток, то о ней мы будем говорить дальше, а теперь мы перейдем к следующему району.

В производящих губерниях мы должны различать часть их, пострадавшую от голода. и часть не пострадавшую. В первых из них непосредственно под влиянием голода значительная часть середняцкой массы опустилась в низшую группу, почти удвоив ее, и в большей своей доле разрушилась небольшая высшая группа. Процент хозяйств в пострадавшей от голода части производящих губерний составлял:

	Без пос. и с пос. до 2 д.	С посевом от 2—6 д.	Выше 6 д.
В 1920 г.	30	56	14
„ 1922 г.	55½	40½	4

Но как только голод прошел, начался процесс восстановления соотношений между группами 1920 г., т.-е. усиление главным образом, середины.

	Без пос. и с пос. до 2 д.	От 2—6 д.	Выше 6 д.
В 1922 г.	55½	40½	4
„ 1923 г.	41½	49½	9

*) Статья Капитонова в журнале „Большевик" за 1924 г. №№ 15—16.

В том же направлении все время происходило изменение группировок в непострадавшей от голода части производящих губерний.

	Без пос. и с пос. до 2 дес.	От 2—6 д.	Выше 6 д.
1920 г.	38½	55½	6
1923 г.	27	61½	11½

Таким образом, в производящем районе *закрепляется господство средней группы* за счет низшей и создается небольшая высшая группа, составляющая всего 1/10 часть общего числа дворов.

Если мы заглянем в глубь изменений в крестьянстве этого района, то, прежде всего, в глаза бросится максимальная устойчивость средних групп, и рост неустойчивости по мере приближения к краям; в то время как наибольшей устойчивостью в потребляющем районе обладают низшие группы.

Процент хозяйств в каждой посевной группе 1923 г., получившихся из хозяйств этой же группы 1920 г.*)

	Без пос.	До 2 д.	2—4 д.	4—6 д.	6—10 д.	Выше 10.
Производ. р. .	17	38	50	37	30	16
Потреб. р. . .	69	64	44	12	7	

(см. диаграмму № 3).

Куда же девается большинство хозяйств крайних групп Производящего района?

Низшие группы или выселяются из деревни в город, или передвигаются вверх; высшие группы или делятся или передвигаются вниз, т.-е. так или иначе или исчезают совсем или передвигаются по направлению к средним.

Вот относящиеся сюда цифры:

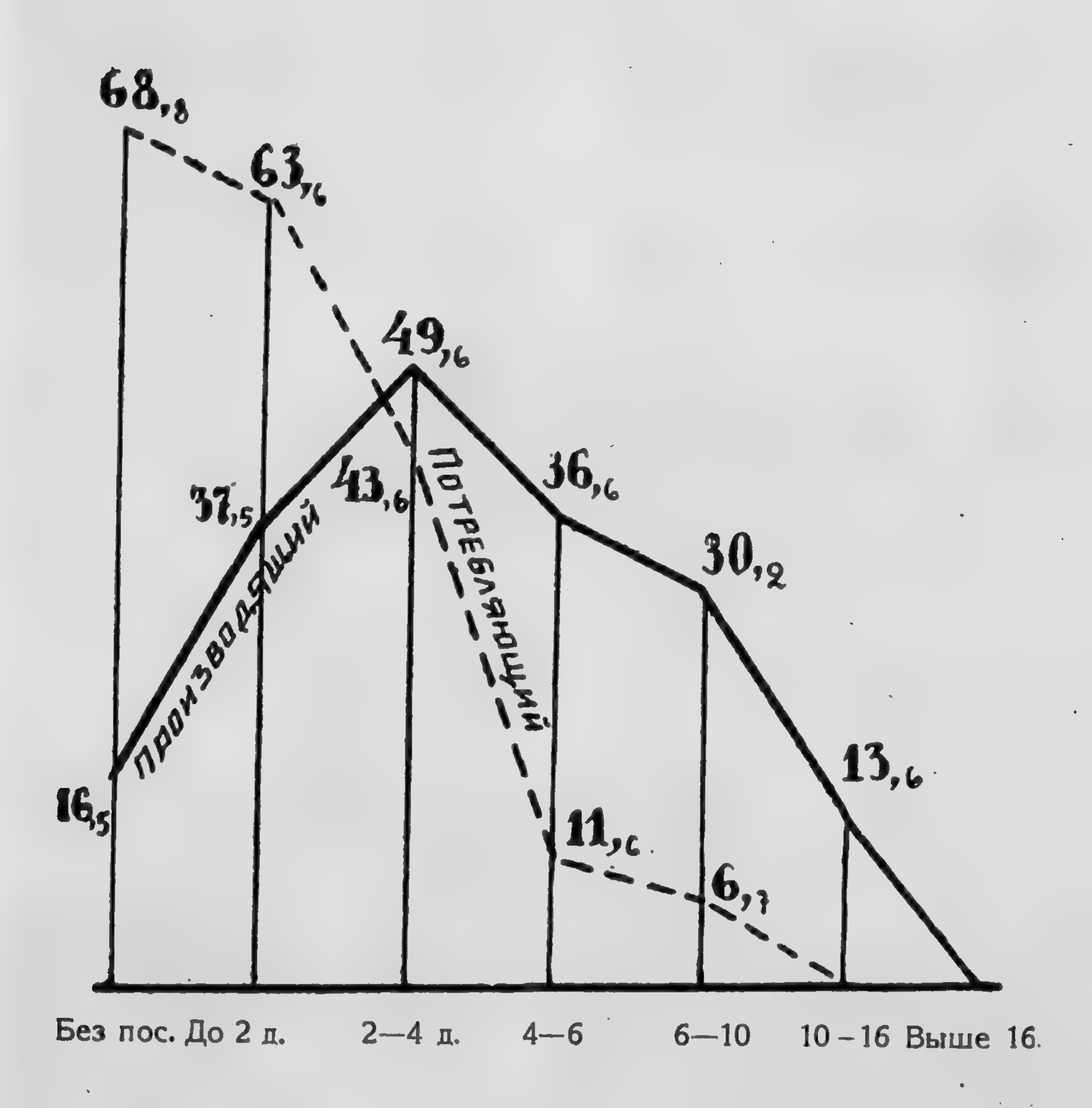
% хоз.	Без пос.	До 2 д.	2—4 д.	4—6 д	6—10 д.	10—16 д.	Выше 16
Выселились из деревни. . . .	73	20	7	5	2	—	—
Разделились .	—	1	3	9	24	40	100

*) А. Хрящева. „Группы и классы в крестьянстве".

Диаграмма № 3

Сравнение устойчивости различных групп крестьянства по потребляющему и производящему районам.

(⁰/₀ хоз. 1923 г., получившихся из тех же групп 1920 г.)

Что же касается передвижения хозяйств от *крайних групп к середине*, т.-е. как будто нивеллировки, то оно обладает той любопытной чертой, что передвигающиеся хозяйства, достигнув середины, обычно здесь не успокаиваются, а двигаются дальше, или вместо них дальнейшее движение производят другие хозяйства, так что в конце его процесс передвижения хозяйств из одних групп в другие воспринимается уже как расслоение, передвижение от *середины к краям*.

Вот относящиеся к этому передвижению за период 1920—1923 г. цифры:

Процент хозяйств в 1920 г. в каждой посевной группе.

	Без пос.	До 2 д.	2—4	4—6	6—10	Выше 10 д.
Передвинувшихся к 1923 г. в низшие группы	—	2	14	29	36	34
Передвинувшихся к 1923 г. в высшие группы	12	32	24	18	7	4

(См. диаграмму № 4)

Процент хозяйств в 1923 г. в каждой посевной площади.

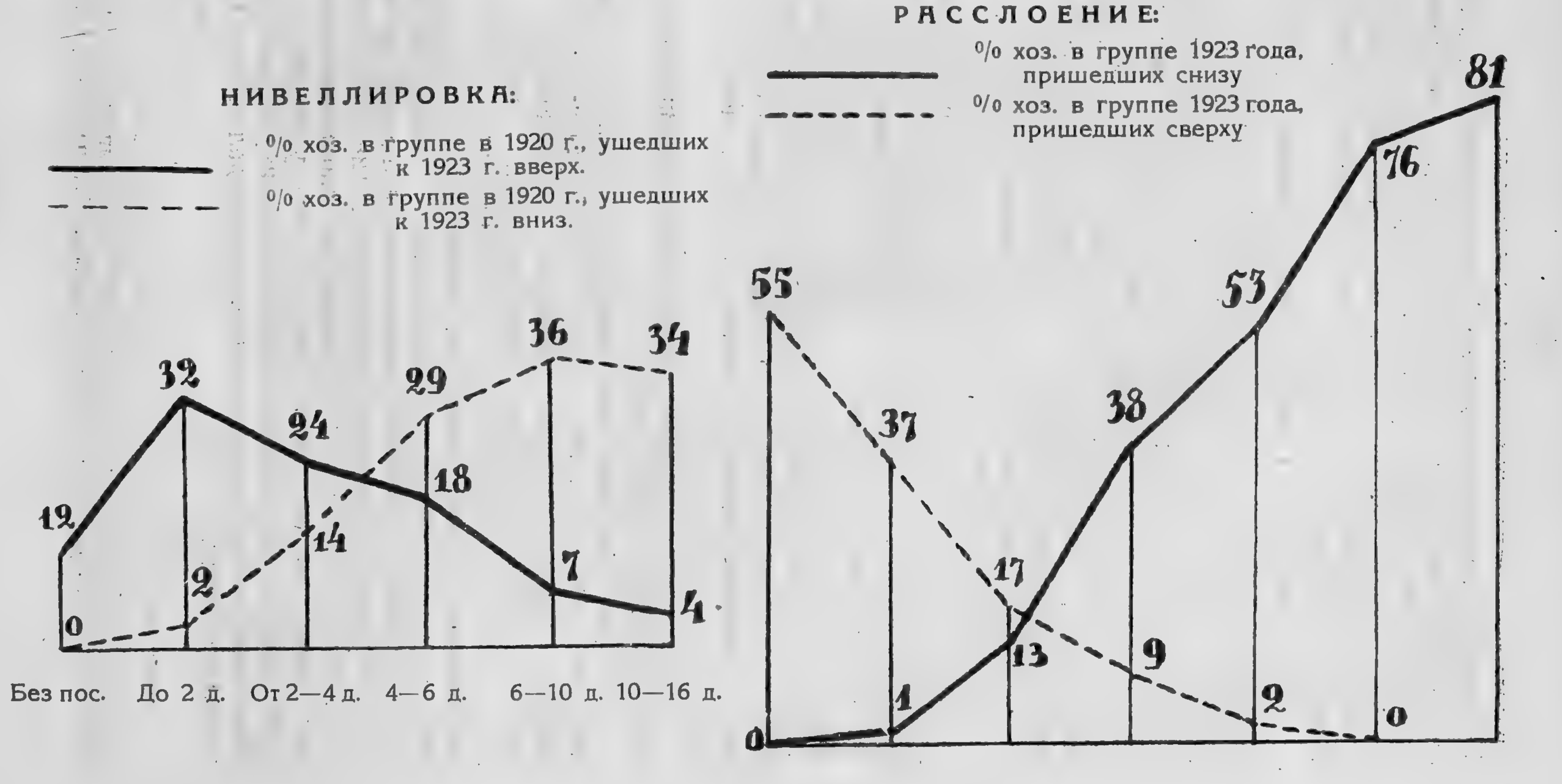
	Без посев	До 2 дес.	2—4 дес.	4—6 дес.	6—10 дес	10—16 д.	Выше 16 д.
Образовавшихся из хоз. 1920 г. высших групп:	55	37	17	9	2	—	—
Образовавшихся из хоз. 1920 г. низших групп:	—	1	13	38	53	76	81

(См. диаграмму № 5)

Верхняя из только что приведенных двух таблиц показывает передвижение хозяйств от краев к середине, а нижняя—обратный процесс—передвижение их от середины к краям. При этом последний процесс—расслоение выражается более резкими цифрами, чем процесс поравнения (нивеллировки). Значит, расслоение все же перевешивает нивеллировку. Последнее обстоятельство подтверждается еще и следующими соображениями. Из производящего района происходит значительное выселение низших групп; так, в течение 3-х лет

Диаграммы №№ 4 и 5

Передвижение крестьянских хозяйств из одних групп в другие в производящем районе.

1920—1923 г. из деревни ушло $^{3}/_{4}$ беспосевной и $^{1}/_{6}$ сеющей до 2-х дес. групп, что составит около 10% всего числа хозяйств района. Кроме того в нем наблюдается заметный рост высшей группы, почти удвоение (до—11%). Если мы все это примем во внимание, то перед нами предстанет картина, уже какой то степени расслоения.

Если мы, далее, сравним его с довоенным положением, то увидим разницу, которая заключается в том, что тогда крайние продукты разложения крестьянства этого района, как на нижнем, так и на верхнем конце, уносились вон из деревни, восстановляя в ней каждый раз прежнюю группировку *): теперь же из деревни уносится лишь пролетаризируемая ее нижняя часть (беспосевная) в такой степени, что эта группа, пополняемая сверху, даже уменьшается в своем числе; верхняя же группа не дает вовсе выселения, тем самым увеличивая свою долю среди крестьянских дворов деревни (см. приведенную выше таблицу).

Если раньше многочисленные остатки крепостнических отношений задерживали здесь расслоение, то теперь с ликвидацией их расслоению дан несомненный толчок и здесь.

Однако, это расслоение, в большей части производящего района, вследствие недостаточности рынка для сбыта продуктов сельского хозяйства, происходит настолько медленно, что характерное для этого района *господство середняка, мало соприкасающегося с рынком*, остается пока в полной силе.

— Перейдем к характеристике классовой динамики крестьянства *потребляющего района*.

Мы уже видели, что характерным для этого района является преобладание в нем низшей полу-пролетарской группы с посевом до двух десятин, составляющей $^{2}/_{3}$ всех хозяйств района, а в Белоруссии эта группа доходит даже до $^{9}/_{10}$ всего количества дворов. Затем мы также видели, что эта низшая группа отличается здесь наибольшей устойчивостью, а высшие группы—наименьшей устойчивостью. Изучение таблиц, подобных приведенным выше по производящему району, показывает меньшее развитие здесь передвижек хозяйств из одних групп в другие. Сравнение же пропорций групп крестьянских в 1920 и 23 году указывает на равномерный под'ем хозяйств всех групп—снизу до верху, вследствие того, что этот район меньше пострадал от гражданской войны и голода.

---

*) Так, например, в Тульской губ. % выселившихся за период 1899—1911 г. составил: безземельных — 20, мелких — 12, средних — 3, крупных 15.

% хозяйств *)	Бесхозяйные и бедняцкие.	Середняцкие	Зажиточные и богатые.
1920 г.	75,7	21,0	3,3
1923 „	69,3	24,7	6,0

Переходя к характеристике господствующей в этом районе низшей группы, мы должны отметить существенную черту ее; именно, что в большинстве своем это *хозяйства с ничтожным одно-десятинным посевом, но при наличии в то же время лошади,* тогда как на юге, например, на Украине. мы имеем обратную картину: *безлошадные хозяйства,* но с посевом иногда *даже выше 2 десятин* **).

4. Полупролетариат деревни севера и юга.

В этом отношении представляет интерес сравнение по всем районам двух характеристик беднейших групп крестьянства: малопосевности и безлошадности в 1923 г. (см. диаграмму № 6).

	Белоруссия.	Потребл. район.	Производ. район.	Украина.	Юго-вост.	Юго-вост. в 1924 г.
Беспосевных и с посевом до 2 дес.	90,8	69,3	41,3	40,6	35,0	—
Без рабочего скота	18,5	23,6	36,2	52,7	37,3	41,1
Сеющих своим скотом до 2-х дес.	72,3	45,7	5,1	—	—	—
Сеющих без своего скота	16,3	21,7	33,5	49,5	26,6	33,3

*) „Группы и классы в крестьянстве" А. Хрящева, стр. 62.

**) В № 1 „На аграрном фронте" в ст. А. И. Хрящевой мы находим следующие данные по расслоению в потребляющем районе:

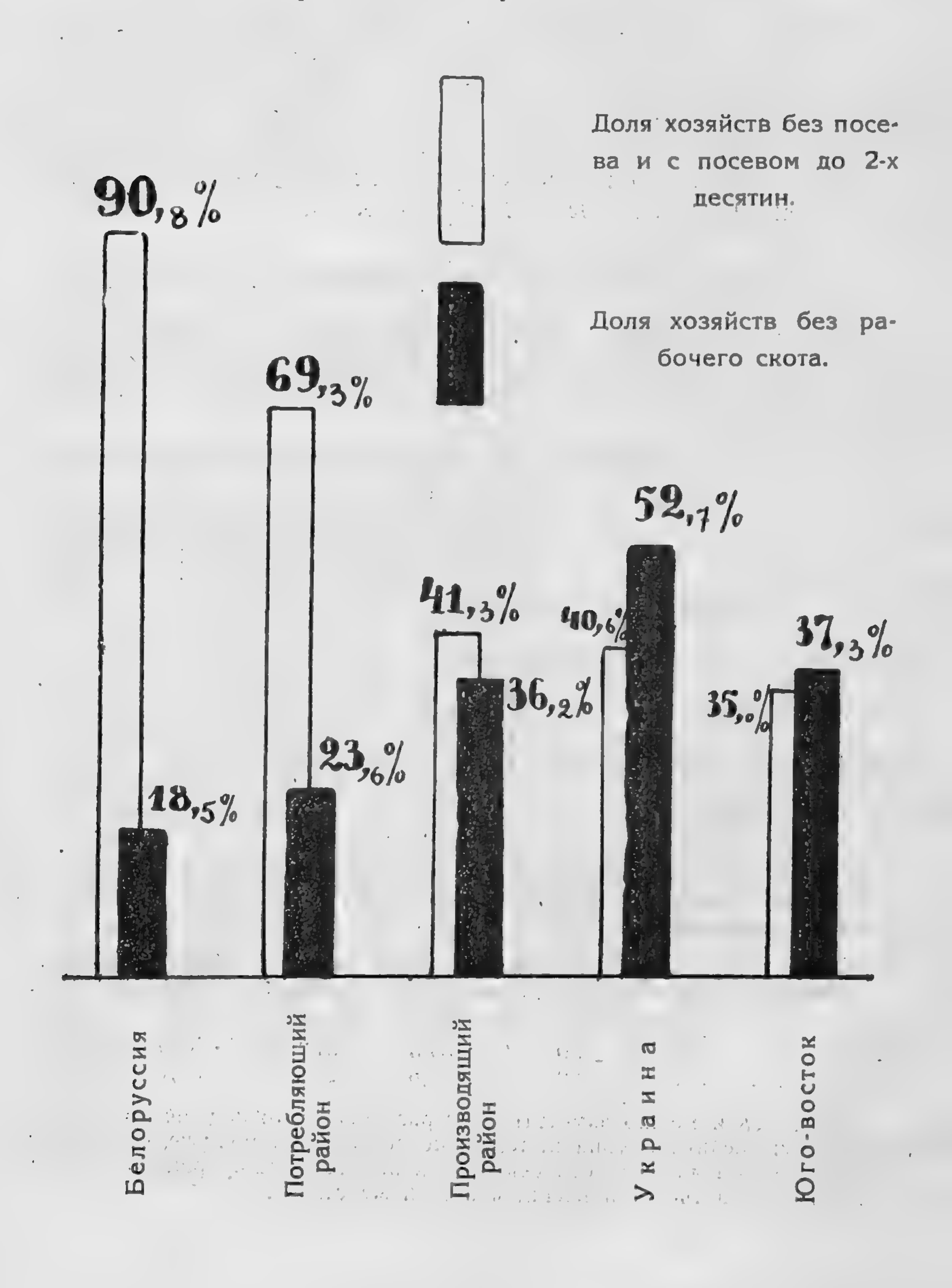
Группы хозяйств.	% хозяйств в группе.	% раб. скота в 1920 г.	% раб. скота в 1923 г.	% пос. площади. в 1920 г.	% пос. площади. в 1932 г.
Низшая.	50	36,9	34,9	28,0	24,8
Средняя.	30	34,5	37,1	34,9	37,1
Высшая.	20	28,6	28,0	37,1	38,1

Если здесь и можно заметить рост расслоения, то под очень большим микроскопом: средняя группа не только не ослабляется, но даже усиливается.

По Тульской же губ., относящейся к производящему району, расслоение можно признать установленным в этой же статье.

Диаграмма № 6

Противоположность движения двух признаков бедноты: малопосевности и безлошадности при сравнении различных районов в 1923 г.

Оказывается, оба признака не только не сопутствуют друг другу, а даже, как будто, находятся в обратной зависимости. Вследствие этого мы на севере и на юге—имеем два совершенно различных типа бедняцких хозяйств. На севере и наличие лошади не спасает крестьянина от карликового посева и необходимости искать посторонних заработков; на юге же, только отсутствие лошади (и мертвого инвентаря) мешает крестьянину расширить свой посев за пределы карликового размера.

Это указывает на различные причины происхождения полупролетарских хозяйств севера и юга. На севере мы имеем значительное избыточное население, излишнее в деревне, которое вследствие земельной тесноты не может здесь выбиться из полупролетарского положения. Отсюда большое развитие здесь внеземледельческих промыслов как кустарных, так и отхожих. Отсюда же здесь переход на более интенсивные системы полеводства. Несомненно, мы имеем здесь *кадры будущего промышленного пролетариата*, который переполняет деревню лишь за отсутствием места для себя в современной городской промышленности.

Иное дело беднота юга. При относительном земельном просторе, при плодородии земли и близости внешнего черноморского рынка, здесь припятствием для выхода бедняков из их положения является отсутствие у них необходимых средств на приобретение живого и мертвого инвентаря. Поэтому здесь именно и развивается в широких размерах эксплоатация бедноты многолошадниками, сдающими безлошадникам в наем живой и мертвый инвентарь—большею частью за отработки, или, иначе сказать, нанимающих безлошадников за предоставление им в пользование своих средств производства. Чтобы вполне оценить это явление, мы должны не забывать, что хозяйств на юге, лишенных рабочего скота, имеется: на юго-востоке около $^2/_5$, а на Украине *свыше* $^1/_2$ всех крестьянских дворов. Поэтому для юга европейской части СССР характерным признаком полупролетарских групп населения является не малый размер посева, а отсутствие рабочего скота. Огромное количество безлошадного крестьянства на юге России, какое раньше здесь не наблюдалось, показывает на несомненное развитие здесь расслоения крестьянства, не только на юго-востоке, но и на Украине *). Вполне достаточным для этого доказательством

---

*) Как раз здесь на юге мы имеем наибольшее количество беспосевных сельских пролетариев, чем в остальных районах европейской части С.С.С.Р., именно: на Украине 3,2%, а на юго-востоке 10,7%. К 1924 г. % беспосевных на Украине поднялся до 4,4%. Доля же хозяйств с посевом свыше 6 десят. здесь из года в год растет: в 1922 г.—11,6%. в 1923 г.—13,2%, в 1924 г.—14,3%. „На агр. фр.", № 2, стр. 56, ст. т. Терлецкого.

является рост безлошадных и безкоровных при общем увеличении количества скота. На Сев. Кавказе от 1923 г. до 1924 г. число безлошадных увеличилось с 36,4% до 41,1%, а безкоровных — с 26,2% до 27,3% всего числа хозяйств *). Для суждения о том, что происходит в южной, степной части Украины, мы имеем сведения по Одесской губернии **). Выборочное обследование, произведенное там в 1924 г., по заданию губкома, дало следующую картину. Прежде всего, подтвердилось огромное развитие безлошадности, доходящей почти до половины хозяйств (45,5% без раб. скота). Это обстоятельство ведет к сдаче низшими группами своей земли в аренду зажиточным и к найму у последних инвентаря (лошади, плуга). Оказывается, низшие группы используют только часть своей надельной земли (всего 58% ее), а остальное сдают в аренду обычно негласно, высшим группам, у которых, естественно, процент использования надельной земли выше их владения (доходя до 130% его). Средний процент хозяйств, арендующих землю, держится между 10—25. При этом богатый арендатор выплачивает за аренду только 1/4 урожая, сваливая уплату налога на бедняка сдатчика. Совсем другие условия—аренды инвентаря (и, прежде всего, лошади), доходящей в некоторых селах до 50% дворов, когда в качестве арендатора выступает уже бедняк, а в качестве сдатчика богатый крестьянин. За обработку одной десятины чужим скотом безлошадник обрабатывает владельцу его 4—5 десятин, или отрабатывает ему в страдную пору 4—5 дней. Здесь мы видим яркие формы эксплоатации кулаками огромной безлошадной массы, опускающейся до положения батраков, которые больше заняты „отработками“, чем работой в своем хозяйстве. В Екатеринославской губ. мы наблюдаем рост концентрации в руках 1/5 части хозяйств с 1923 на 1924 г. раб. лошадей с 44,4% до 46,2% и пос. площади с 40,2% до 44,1% ***).

Следовательно, *на юге полупролетарские безлошадные массы деревни эксплоатируются в пределах сельского хозяйства*, в то время как *на севере* не менее обширные полупролетарские, хотя и лошадные массы эксплоатируются *вне сельского хозяйства*, то как временные рабочие на отхожих промыслах, то как кустари, попадающие в руки скупщиков.

В заключение мы должны остановиться на особенностях классовых изменений в деревне теперь, в пореволюционное время, сравнительно с теми, которые происходили до революции 1917 г.

---

*) См. цит. брошюру тов. А. П. Смирнова.

**) „Коммунист“ за 1924 г.

***) „Большевик“, № 3—4, стр. 55. Ст. т. Терлецкого.

5. Особенности классовых изменений при нэп'е.

До революции, особенно в Столыпинский период в расслоении существенную роль играла земля, собирание которой в одних руках создавало сельскую буржуазию, а лишение которой ввергало безземельного в ряды полупролетариата. Теперь, после национализации земли, основой расслоения там, где оно происходит, является собирание в руках зажиточного крестьянства инвентаря (капитала), а лишение его и, прежде всего, лошади ввергает безлошадного в ряды полупролетариата *). Раньше безземельный крестьянин арендовал землю у помещика и нанимался к нему на сельско-хозяйственные работы. Теперь безлошадный крестьянин эксплоатируется не помещиком, а богатым крестьянином, которому он „отрабатывает“ за пользование лошадью и плугом. Основой эксплоатации здесь является соотношение огромного спроса на инвентарь со стороны многочисленной безлошадной массы, доходящей до 53% на Украине, и ограниченного предложения со стороны гораздо менее численной группы многолошадников, сдающих в аренду свой инвентарь **).

За выпадением земельной основы расслоения, последнее должно протекать в совершенно других формах, чем до революции. Все это, главным образом, относится к *южному причерноморскому району.*

В среднем производящем районе мы наблюдаем другие различия. До революции расслоению мешали там остатки крепостнических отношений, превращавших крестьян в более или менее однородную маломощную, придавленную этими остатками массу. Теперь остатки крепостничества удалены с корнем, расслоению дан толчок.

---

*) „Мы видели уже, что рост посева в низшей группе крестьянства за 1917—20 г.г. происходил в хозяйствах лишенных рабочего скота, т.-е. лишенных основного элемента предприятия, его д в и г а т е л я (не говоря уже об удобрении).

Между тем, дифференциация происходит и в том случае, если увеличиваются различия в наличии живого или мертвого инвентаря, вообще если увеличиваются различия в соотношении между собственными средствами производства и собственной рабочей силой в различных хозяйствах: „На агр. фр.“, № 2, стр. 55. Ст. тов. Крицмана.

„Углубление классовых противоречий в деревне идет теперь преимущественно через ростовщическое использование скота, инвентаря, кредита, замаскированного батрачества и т. д.“. „На агр. фр.“, № 1, стр. 85. Статья А. Хрящевой.

**) Из 100 наличных хозяйств в производящем районе сдавали лошадей: 4,1 хозяйств с 1 лошадью, 6,0 хоз. с 2 лошадьми и 17,0 хоз. с 3 и более лош.

Но хотя процессы расслоения и наметились, они все-таки происходят здесь чрезвычайно медленно, почти не отражаясь здесь на господстве середняцкой, наиболее натуральной группы. В 1923 году эта группа составляла здесь половину всех хозяйств (низшая $^{4}/_{10}$, а высшая $^{1}/_{10}$). Да и высшая группа здесь почти вся состояла из хозяев, сеявших до 10 десятин, т. е. представляла собой, в сущности, того же середняка (свыше 10 десятин всего 1,7% дворов).

В потребляющем районе никакого расслоения не происходит: выселилось же здесь окончательно за 3 года (1920—1923), всего около $^{1}/_{10}$ беспосевных, которых здесь только 1,9%, что дает в год выселенцев лишь 0,06% всего числа дворов. Таким образом, здесь прочно держится преобладающий тип крестьянина, сеющего около 1 десятины на своей лошаденке и пополняющего свой бюджет всевозможными посторонними заработками. Сколько-нибудь крупных хозяйств (с посевом свыше 16 десятин) совершенно нет в этом районе.

Итак, в крестьянстве периода нэп'а расслоение происходит, но далеко неравномерно по всей стране. Оно при переходе с района в район наблюдается тем в большей степени, чем более мы станем передвигаться с севера на юг Европейской части СССР и на самом севере оно совсем или почти совсем не наблюдается.

Так как основой расслоения в настоящее время является не земля, как раньше, теперь национализированная, а инвентарь (и, прежде всего, рабочий скот), то, именно группировка по рабочему скоту, и показывает наибольшие результаты расслоения.. В полном согласии с этим при переходе с севера на юг мы находим все более и более резкие итоги расслоения к последнему времени (1923 г.).

% хозяйств:	Белорусс.	Потреб. р.	Произв. р.	Украина.	Юго-Восток.
Средняя группа: с 1 гол. раб. скота. . .	69,8	568,	51,7	32,4	29,0
Обе крайние группы: без раб. скота и с 2 головами и более . .	30,2	31,5	48,3	67,6	71,0

На севере $^{7}/_{10}$ дворов имеют по одной лошади, а на юге $^{7}/_{10}$ дворов относятся к остальным крайним группам;

в производящем центре и средняя, и обе крайние группы вместе имеют, приблизительно, по $^1/_2$ хозяйств *).

Понятно, мы здесь даем общую, довольно грубую схему не для того, чтобы исчерпывающим образом изобразить все изменения в классовом строении крестьянства всех районов СССР, а для того, чтобы наметить основные классовые характеристики главнейших районов и нащупать главные линии их изменений, насколько это необходимо для решения с классовой точки зрения, поставленной в заголовке кооперативной задачи.

Нельзя, например, отрицать, что в потребляющем районе при известных благоприятных *местных* условиях: рыночных (близ столиц) или естественных (обилие пастбищ), мы можем наблюдать и наблюдаем развитие и товарного типа крестьянских хозяйств специального направления: огородного, молочного (Моск. и Ленинг. губ.), маслодельного (Вологодская губерния), льняного (Псковск. губ.) и т. д. Но они не могут изменить общей и основной характеристики, приведенной выше. Не можем мы также отрицать и наличие кулачества во всех районах страны, но его удельный вес и характер будут совершенно различны в разных районах. Чистых сельских хозяев кулаков мы найдем только в южном районе, где имели даже в 1920 г. от 1—2% сеявших свыше 25 дес. (сюда можно отнести и Нижне-Волжский район) **). Кулачество же в остальных районах мы скорее должны искать за пределами сельского хозяйства: на потребляющем севере оно должно носить больше торгово-скупщецкий характер, а в производящем центре и, в известной мере, может представлять собой кабально-ростовщический тип. Для наших же целей важно здесь подчеркнуть, что в настоящее время весьма значительное свое влияние обнаруживают такие основные условия сельского хозяйства, как *недостаточность*

---

*) Более подробные данные из цитированный уже книги Хрящевой „Группы и классы в крестьянстве“:

	Белорусс.	Потреб. р.	Произв. р.	Украина.	Юго-Восток.
Без рабочего скота	18,5	23,6	36,2	52,7	37,3
С 1 единицей	69,8	68,5	51,7	32,4	29,0
С 2 и более	11,7	7,9	12,1	14,9	33,7

**) Необходимо подчеркнуть, что мы отнюдь не смешиваем зажиточную группу, имеющую посев свыше 6 дес., с кулачеством, которое численно представляет весьма ничтожную величину. Зажиточная группа—это значит группа с некоторой товарностью своих хозяйств, т. е. такая группа, к которой стремится и наша средняя группа; это—наиболее окрепшая часть середняков.

рынка для сельско-хозяйственных продуктов в нашем центральном производящем районе, и как *недостаточность рынка для излишних рабочих рук* на потребляющем севере. Влияние этих обстоятельств выражается в том, что мы имеем почти полное сохранение в производящем районе массового середняка, ведущего почти натуральное хозяйство и мало-связанного с рынком, а в потребляющем—накопление бедняка, ищущего для себя внеземледельческого заработка, и связанного с рынком лишь как продавец своей рабочей силы и как покупатель предметов личного потребления. Для юга же наибольшее влияние на сельское хозяйство *имеет недостаточность средств производства, инвентаря,* отсутствующего у значительных масс сельского населения (около $^1/_2$), разорившихся за последние годы.

ГЛАВА II.

Сельско-хозяйственная кооперация и ее классовая характеристика.

В предыдущей главе мы установили не только наличность классов в современном крестьянстве и их численное соотношение в разных районах нашей страны, но и факт их дальнейшего развития. Спрашивается теперь, какие же из этих классов и какую роль играют в сельско-хозяйственной и какие в сельской потребительской кооперации, а также какую роль играет тот или другой вид кооперации в жизни различных классов нашего крестьянства?

Сначала мы этот вопрос рассмотрим по отношению к сельско-хозяйственной кооперации, затем по отношению к сельской потребительской.

1. О приемах сравнения участия различных групп крестьянства в кооперации.

Прежде всего здесь следует остановиться на приемах сравнительной характеристики участия различных групп крестьянства в кооперации, так как от применения тех или иных приемов результаты получатся не только различные, но и совершенно противоположные.

Нам кажется, что при такой характеристике совершенно недостаточно ограничиваться только процентом среди членов кооператива данной классовой группы без сопоставления его с тем, какую долю составляет эта группа среди всего вообще крестьянства данного района.

Поясним нашу мысль следующим простым примером: в деревне 100 бедняков и 10 зажиточных крестьян середняцкого типа; в кооперативе принимают участие все зажиточные и 15 бедняков; спрашивается, какой это кооператив, в большей степени, бедняцкий или середняцкий.

Сторонники воззрения, что вообще наша сельско-хозяйственная кооперация уже теперь является в большей степени

бедняцкой, ответят на поставленный вопрос таким образом: кооперация в этом примере, раз она включает в *свой состав* 60% бедняков, является бедняцкой. Мы, однако, считаем, что этот кооператив в большей степени является середняцким, чем бедняцким, ибо в нем участвует 100% всех середняков и 15% всех бедняков. Раз все зажиточные стремятся стать членами сельско-хозяйственного кооператива, значит, он для их нужд более всего и приноровлен и, следовательно, он эту классовую группу и ее удельный вес в классовой борьбе будет более всего и усиливать. Некоторая тяга в сельско-хозяйственный кооператив бедной группы, хотя и очень небольшая, может быть об'яснена, например, тем, что он снабжает своих членов отчасти и потребительскими товарами, в чем бедняцкая группа, даже более заинтересована, чем середняцкая. Если же мы будем принимать во внимание, таким образом, и долю данной группы среди вообще всего населения, то, в таком случае, мы и перейдем к приему измерения классового характера кооператива коэффициентом (показателем) участия, показывающим сравнительное со средним в данном районе стремление крестьян каждой группы войти в кооператив. В нашем примере коэффициент участия будет следующий:

	Бедняки.	Зажиточные середняки.
% среди членов кооператива . . .	60%	40%
% среди населения	91%	9%
Коэффициент участия	0.66	4.44

(Коэффициент участия получается от деления первой строки на вторую). Нам кажется бесспорным, что такой кооператив, обслуживающий на 100% группу зажиточных и только на 15% бедняков, усиливает классовый вес зажиточных в большей мере, чем бедняков и, следовательно, не должен характеризоваться как преимущественно бедняцкий, ибо центр тяжести вопроса не в том, какое значение *для кооператива* имеет (в смысле состава и т. д.) та или иная группа крестьянства, а в том, какое значение имеет кооператив *для той или иной группы крестьянства в ее целом.* В этом классовый смысл кооператива. Не нужно при этом забывать и того, что хозяйственная работа кооператива: сбыт, снабжение и т. д. не распределяется между группами крестьянства пропорционально доли их в составе членов, ибо более сильные группы больше и покупают, но еще больше и сбывают через данный кооператив.

2. Классовая характеристика сельско-хозяйственной кооперации до Октябрьской революции.

Обратимся теперь к вопросу, какие же группы крестьянства преимущественно обслуживались сельско-хозяйственной кооперацией в довоенное и дореволюционное время.

До 1917 г. сельско-хозяйственная кооперация была представлена, главным образом, двумя типами: кредитными товариществами (и ссудо-сберегательными) и маслодельными артелями. Были еще и сельско-хозяйственные общества, но они почти не вели хозяйственной работы, и потому не могут быть в своей массе отнесены к кооперативным организациям.

Кредитные кооперативы особенно были развиты на юге и являлись кооперативами, главным образом, *по снабжению* крестьянского хозяйства инвентарем и оборотными средствами, а маслодельные артели—в Сибири и Вологодск. губ. и были ярко выраженным типом сбытовых кооперативов с предварительной переработкой.

Кредитных кооперативов к 1917 году насчитывалось 16 тыс. с 10½ миллионами членов и с общим балансом вместе с союзами более одного миллиарда рублей *). Маслодельных артелей к 1917 году было около 3.000, из них около половины (1.410 арт.) об'единялось Сибирским союзом, сбывавшим в год около 3 милл. пуд. масла **).

Какие же группы крестьянства, преимущественно, в них входили? По кредитным кооперативам мы имеем следующие данные о величине коэффициента участия, т. е., как было указано, частного от деления процента данной группы крестьянских хозяйств среди членов кооператива на процент той же группы среди вообще хозяйств района деятельности данного кооператива.

Коэффициент участия по районам ***).	Год.	Без лош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3—4 л.	С 5 л. и более.
Херсонск., Таврическ. и Екат. губ.	1904	0,37	1,07	1,43	1,28	1,12
Уфимская губ.	1911	0,34	0,91	1,32	1,23	1,17
Челябинская губ.	1913	0,35	0,93	1,20	1,25	1,62
Владимирская губ.	1914	0,90	1,08	1,82	1,22	—
Средние по всем районам.	—	0,49	1,00	1,19	1,25	1,30

*) „Сельско-хоз. кооперация в системе гос. капитализма“, стр. 126.
**) Там же, стр. 26—27.
***) Там же, стр. 74.

Если взять средний за 1901 и 1917 г.г. % групп по лошадности и сопоставить со средним коэффициентом участия тех же групп, то получим такую картину:

	Безлош.	С 1—2 л.	С 3 и более.
Коэффициент участия	0,49	1,10	1,27
% хозяйств в группах среди вообще населения	31	63½	5½

Безлошадные (т. е. полупролетарские) хозяйства, составляющие чуть не ⅓ всех дворов, очень слабо количественно участвовали в кредитных кооперативах. Если бы мы имели данные о качественном их участии, то результаты получились бы еще более определенные.

Середняк участвовал так, что среди членов кооператива он так же, в той же пропорции представлен, как и среди вообще сельского населения. Недостаток участия безлошадника полностью восполняет многолошадная, хотя и немногочисленная группа.

А вот данные об участии сибирских крестьян в маслодельных артелях на примере Барнаульской волости, Томской губернии 1905 года *).

Коэффициент участия отдельных групп по числу коров:

Без коров.	С 1 коровой.	2—3 коровы.	4—5 коров.	6 коров и более.
0,10	0,32	1,18	1,56	1,67

Только при наличии 2 коров сибирский крестьянин и начинал, собственно, принимать участие в маслодельной кооперации, и только при количестве 4 коров это его участие становилось решительным и интенсивным.

Сходную, хотя и менее резкую, картину дают коэффициенты участия по Вологодской губ., данные о которых относятся уже к 1915 г. *).

*) Там же, стр. 76.

Без коров.	С 1 коровой.	2 коровы.	3 коровы.	4 коровы и более.
0,02	1,08	1,50	1,53	1,42

Здесь мы должны признать, что однокоровные в этом районе известное участие в кооперации принимают.

Данные по той же Барнаульской волости (за 1905 г.), но связанные с посевными группами, дают следующее изменение коэффициента участия в зависимости от размера хозяйств. (Таблица из кн. Прокоповича. „С.-х. кооперация и бюджет крест. хозяйства").

	Беспос.	До 2 дес. пос.	2—4 дес.	4—10 дес.	10 и больше.	Всего.
% хоз. в артели.	4,0	11,3	21,0	41,8	22,0	100
% хоз. в насел.	9,2	17,7	28,1	34,7	15,2	100
Коэффиц. участ.	0,43	0,64	0,91	1,20	1,45	1,0

Поэтому нельзя не согласиться с тов. А. Лозовым, который в своей книге „Сел.-хоз. кооперация и значение ее в современных условиях", приведя эту же таблицу, говорит следующее (стр. 120).

„Если остановимся на интересующем нас вопросе, какие социальные группы наибольше вовлекались в кооперативное движение, оказывается, что наибольшее число приходится на зажиточные хозяйства, имеющие от 4 до 10 дес. посева, которые составляют до 42% всех членов маслодельной артели; сельская беднота, имеющая часто одну корову без посева, составляла всего 4% ко всему количеству об'единенных в кооператив, и, таким образом, бедноты в артелях было в 10 раз меньше, чем „зажиточных".

Далее он подходит к выводу, что наибольшее участие и в кредитной кооерации принимали более обеспеченные слои крестьянства.

3. После Октябрьской революции.

Какие же изменения в классовый состав сельско-хозяйственной кооперации внесла революция?

Для сельско-хозяйственных кооперативов, независимо от вида их, мы имеем данные за 1923 г. по трем губерниям,

сведенные здесь в средние для всех районов. Они дают такую картину *).

Процент хозяйств в группах по лошадности:

	Безлошадн.	С 1 лош	С 2 лош.	С 3 лош. и более.
Среди членов с.-х. к-вов . . .	37,5	53,4	7,6	1,5
Среди всех хоз. этих районов. .	46,4	46,9	5,8	0,9
Коэффициент участия	0,80	1,12	1,31	1,67

Авторы сборника „Сел.-хоз. кооперация в системе гос. капитализма“ при этом рассуждают таким образом: если к однолошадным членам кооперативов присоединить безлошадных, то они вместе составят подавляющее большинство всех членов с.-х. кооперации. Отсюда делается вывод. „Зажиточный крестьянин и кулак в качестве членов кооперативов отодвинуты революцией на задний план“. Во-первых, не следовало бы всякого 2-х лошадника лишать звания середняка, и всякого 3-х лошадника величать кулаком. Во-вторых, можно рассуждать и таким образом: если к однолошадникам присоединить 2-х и 3-х лошадников, то получим также значительное большинство членов кооперативов; но отсюда мы никаких выводов не делаем.

Чтобы делать выводы, нужно обратиться к коэффициентам участия в с.-х. кооперации различных классовых групп крестьянства и сопоставить с такими же коэффициентами

---

*) „Сельско-хозяйственная кооперация в сист. гос. капитализма“, стр. 80. Коэффициенты участия по отдельным губерниям дают настолько неустойчивые изменения для высших групп, что едва ли можно выводить из погубернских данных какой-либо твердый закон.

	Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош. и более.
Самарская губ.	0,86	1,18	1,25	1,04
Пермская губ.	0,74	1,18	0,52	0,50
Козловский уезд	0,79	1,06	4,00	20,00

(Надо сказать, что в указанной книге вместо последнего коэффициента—20 стоит ошибочно вычисленный коэффициент, равный 2).

в довоенное время. Сделавши это, мы получим следующие результаты: *).

	Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош. и более.
Довоенное время (1904—14) . .	0,49	1,00	1,19	1,27
Пореволюционное время (1923 г.).	0,80	1,12	1,31	1,67

(См. диаграмму № 7 и 8).

Это значит, что если принять среднюю сельско-хозяйственную кооперированность в 10% дворов, (что близко к действительности), то приведенная таблица означает, что из 100 безлошадников в с.-х. кооперации участвуют 8 человек, из 100 однолошадных--11, из 100 2-х лошадников 13, и 3-х лошадников 17 человек. В сущности, мы видим здесь 2 параллельных ряда, причем в пореволюционное время коэффициенты участия несколько выше во всех группах. Закон же повышения участия в с.-х. кооперации при переходе от низших групп к высшим остается в полной силе. Это подтверждается и дополнительными сведениями о сравнительной обеспеченности кооперированных и не кооперированных хозяйств по Самарской губ.

	Дес. пос.	Плугов.
У кооперированных	4,62	0,71
У некооперированных	2,69	0,38

*) В довоенные с.-х. кооп. вошли главным образом, кред. т-ва, а в пореволюционные — с.-х. т-ва; но, как видно из следующей таблички, последние заместили первых:

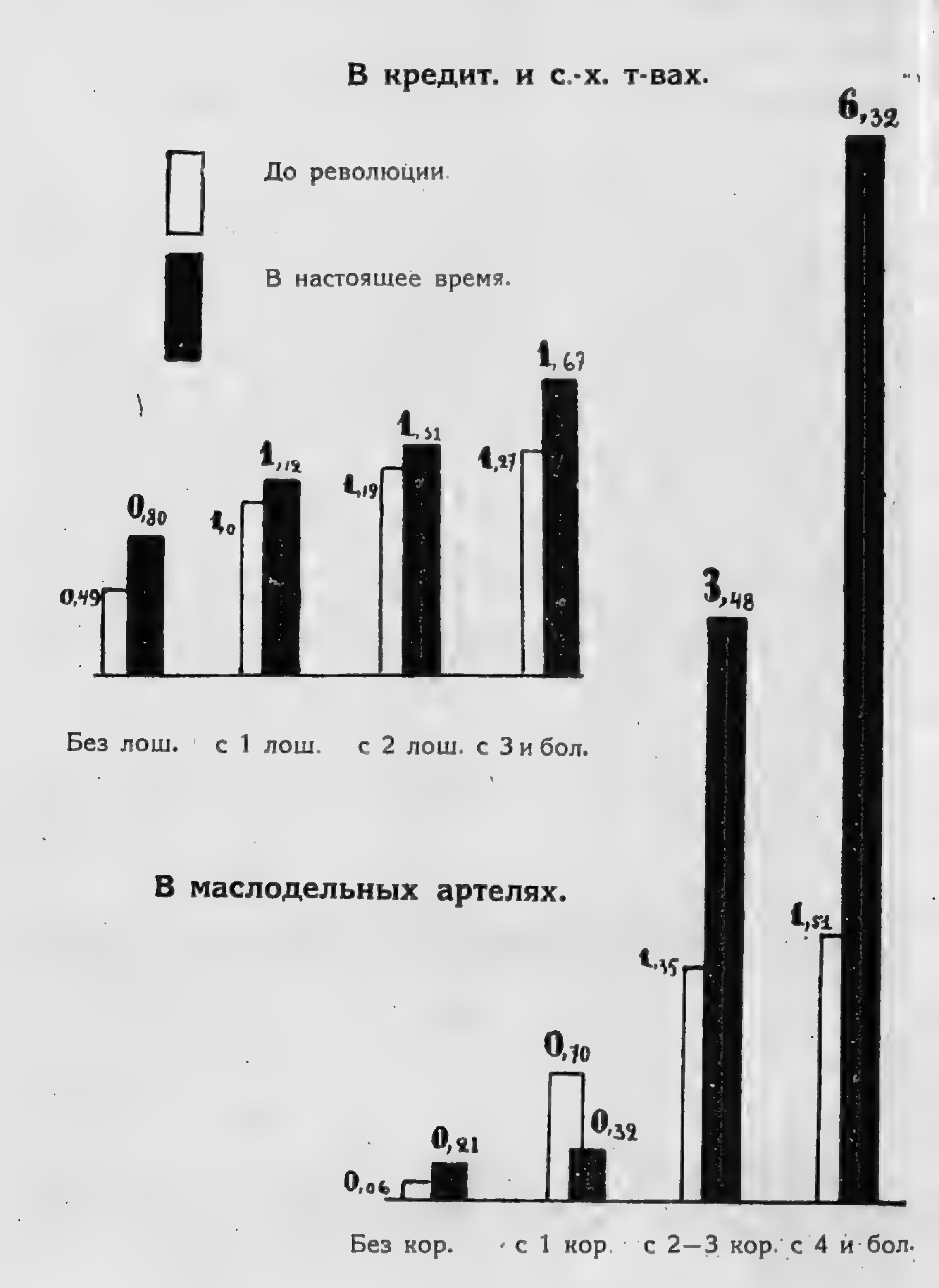
	Кред. т-ва.	С.-х. т-ва.	Молоч. арт.
1917 г.	16.000	2.500	3.000
1923 г. (на 1 янв.)	799	13.329	2.594

„Наши достижения“, изд. Сельскосоюза 1923 г., стр. 5 и 12.

На 1/VII 1924 г. мы по СССР без Украины имели след. распределение с.-х. кооперативов, входящих в союзы: сельско-хоз. т-ва—5538; с.-х. т-ва с кред. функциями и кред. т-ва—5213; маслод., сыровар. и мол. т-ва—2825; проч. с.-х. т-ва—2032.

Диаграммы №№ 7 и 8

Коэффициенты участия в сельско-хозяйственной кооперации различных групп крестьянства.

В брошюре тов. А. П. Смирнова „Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства“ мы находим следующее изображение классового состава с.-х. кооперации в настоящее время.

Процент каждой группы среди членов с.-х. кооперации.

Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош. и более.
7	67	25	1	0

Если мы обратимся к коэффициентам участия, относящимся к этим данным *), то они дадут уже знакомую нам картину.

Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.
0,61	0,89	1,88	5,0

Тов. Смирнов приводит и дополнительные данные относящиеся к группировке по числу коров.

Процент хозяйств среди кооперированных.

Без кор.	С 1 кор.	С 2 кор.	С 3 кор.	С 4 кор. и более.
2	27	51	17	3

Сопоставим эти данные с % хозяйств среди некооперированных.

Без кор.	1 кор.	2 кор.	3 кор.	4 кор. и более.
5,7	49,5	39,4	5,1	0,3

*) „С.-х. кооперация на местах“, стр. 8. В этом случае мы располагаем только приблизительными коэффициентами, так как % участников здесь делится не на % всех хозяйств данной группы, а на % их только среди некооперированных.

Если мы разобьем те и другие данные на 2 группы: безкоровных с однокоровными в одной из них, и имеющих не менее 2 коров в другой, то получим такую табличку.

% хозяйств.	Без коров и с 1 кор.	С 2-мя и более коров.
Среди кооперированных	29	71
Среди некооперированных	55,2	44,8

Здесь вывод бросается в глаза: если большинство среди некооперированных относятся к первой группе, то подавляющее большинство среди кооперированного крестьянства (71%) относится ко второй, т.-е. имеет не менее 2 коров. При таком положении говорить о преобладании низших групп в с.-х. кооперации едва ли приходится.

Приведенные данные брошюры тов. Смирнова, хотя и относятся только *к одному Гжатскому уезду* Смоленской губернии (за 1923 г.), но, как мы видели, представляют довольно типичную картину отношения к кооперации различных классовых групп крестьянства *).

Посмотрим, как изменилось положение в классовом составе *маслодельных артелей.*

Для этого вида с.-х. кооперации мы располагаем данными по 78 артелям Ярославской, Смоленской, Новгородской, Тверской и Омской губерний, заимствованными из упоминавшегося уже сборника Сельскосоюза **).

В нем мы находим следующие коэффициенты участия в маслодельной кооперации.

---

*) Процент участия в с.-х. кооперации, по данным обследования Ц.С.У., в наст. время следующим образом изменяется по группам крестьянства повышаясь вместе с их зажиточностью.

При посеве.	До 2 дес.	2—4 дес.	4—6 дес.	6—10 дес	Свыше 10 дес.	Итого.
В хоз. без своих работников. . .	8,5	6,9	5,5	8,5	14,5	7,4
Отпускающих на зараб. работников.	14,8	13,8	13,9	24,5	32,0	14,6
Нанимающих работников.	21,7	27,1	37,4	35,6	42,0	30,1

Из ст. А. И. Хрящевой в „Правде“ за 1925 г.

**) „Сел.-хозяйственная кооперация в системе гос. капитализма“, стр. 84.

Процент хозяйств.	Без кор.	С 1 кор.	С 2 кор.	С 3 кор.	С 4 и более.
Ярославск. у.	0,10	0,37	3,85	19,50	20,0
Смоленский у.	0,05	0,34	1,73	4,89	7,00
Старорусский у. (Новгород. г.)	0,21	0,61	1,13	2,07	1,91
Валдайский у. (Новгород. г.)	0,00	1,13	1,04	1,23	1,52
Красно-Холмский у. (Тверской г.) . . .	0,32	0,11	2,06	1,14	1.00
Татарский у. (Омской г.)	0,14	0,32	0,79	1,80	6,47
Итого по всем районам . .	0,21	0,30	1,86	5,10	6,32

Сопоставим эти данные с коэффициентом участия в маслодельной кооперации в довоенное время (для чего об‘единим относящиеся к нему данные по Томской и Вологодской губ.) с распределением крестьянских дворов по обеспеченности их коровами.

	Без кор.	С 1 кор.	С 2— 3к	С 4 и более.
В довоен. время	0,06	0,70	1,35	1,51
В 1923 г.	0,21	0,30	3,48	6,32
Доля группы среди населения Р ФСР в 1922 г. *)	23,8	59,8	16,7	0,7
	83,6 (Без кор. + С 1 кор.)			

(См. диаграмму № 8).

Сравнение показывает, что в пореволюционное время влияние обеспеченности крестьянина коровами на участие его в маслодельной кооперации подчиняется тому же закону, как и в довоенное время, только более резко выраженному. Затем, далее, оказывается, что для $^5/_6$ крестьянских хозяйств (83.6%) маслодельная кооперация не имеет сколько-нибудь серьезного значения при настоящей обеспеченности его коровами. Правда, некоторое участие в этой кооперации принимают и однокоровные (коэф. 0,3), но приблизительно такое же

*) Сборник стат. свед. по СССР за 1918—23 г.г.

участие в ней принимают и бескоровные (коэф. 0,2). Спрашивается, однако, какое молоко могут сбывать через кооператив бескоровные? Очевидно, участие их об'ясняется практикуемым очень часто соединением с маслодельной артелью и снабженческих операций, главным образом, потребительскими товарами (вспомним потребительские лавки прежних сибирских маслодельных артелей). Этим же можно, в большей степени об'яснить участие в маслодельной кооперации и однокоровников.

Приведем, для лучшего выяснения этого вопроса, долю бескоровников и однокоровников среди членов артелей и среди населения по упомянутым выше районам и обеспеченность коровами кооперированного и всего населения.

	Без кор. и с 1 кор.		Число кор. на 1 двор.	
	Среди членов.	Среди населения.	Среди членов.	Всего населения.
Ярославская губ.	27,4	84,8	1,91	0,97
Смоленская губ.	20,1	65,7	2,22	1,39
Старорусский уезд	25,1	48,1	2,17	1,72
Валдайский „	41,3	48,1	1,91	1,55
Красно-Холмский уезд	6,9	47,8	2,14	2,07
Татарский уезд	16,2	55,3	3,40	2,89
Средний по всем районам	29,5	57,6	2,29	1,76

Все вообще население имеет, в среднем, по $1^3/_4$ коровы на 1 двор, и среди него значительное большинство, около $^3/_5$, является 1-коровниками и безкоровниками. У членов же имеется, в среднем более чем по $2^1/_4$ коровы и среди них имеется только небольшое меньшинство ($^3/_{10}$) однокоровников и бескоровников.

Если бы мы из всего населения выделили лишь некооперированную часть, то его средняя обеспеченность была бы близка к 1 корове, тогда как средняя обеспеченность членов артелей, как мы видели, равна $2^1/_4$ коровам.

В брошюре тов. А. П. Смирнова мы находим следующую пропорцию крестьянских групп среди членов современной маслодельной кооперации, которую мы сопоставим с пропорцией, вычисленной по данным указанного выше сборника Сельскосоюза.

	Без коров.	С 1 кор.	С 2 кор.	С 3 кор.	4 и бол.
По данным брошюры т. Смирнова	2,6	61,4	31,8	3,8	0,4
По данным сборника Сельскосоюза	1,3	21,5	46,3	18,6	12,3

Те и другие данные относятся к 1923 году, но с той разницей, что вторая строка охватывает 5 губерний, а первая относится только к одной Вятской губ., причем из 79 артелей, входящих в Вятский маслосоюз и вошедших в указанную выше группировку, в 1923 г. фактически работало только 42 *).

Коэффициенты участия за отсутствием соответствующих данных в упомянутом издании **) вычислить, к сожалению, нет возможности. Следует также отметить любопытное обстоятельство, выясненное монографическим обследованием одной из Вятских молочных артелей (Спасо-Вторинской) и проливающее свет, какой ценой достигается преобладающее участие в маслодельной кооперации однокоровников.

У членов артели.	Число едоков на 1 корову.	Занос молока на 1 корову.
С 1 коровы	5,4	48,4 пуд.
С 2 коров	3,6	35,7 „
С 3 коров	2,6	43,1 „

Несмотря на то, что однокоровники имеют вдвое больше ртов на молоко от одной коровы, чем трехкоровники, они тем не менее сбывают его даже в большем количестве, чем эти последние, отнимая, очевидно, это молоко от своего собственного потребления и, конечно, поддерживая этим у себя высокую детскую смертность. При более или менее нормальном потреблении одна корова, как правило, может удовлетворить лишь собственные потребности семьи.

Общий закон роста значения сельско-хозяйственной кооперации при переходе от низших групп к высшим остается

*) „Сел.-хоз. кооперация на местах“. Стр. 17—18.
**) Сельско-хозяйственная кооперация на местах Стр. 17—18.

в силе и для картофелетерочной кооперации, что подтверждается следующими данными по Костромской губернии.

Коэффициент участия в ней оказался следующий:

Безлош.	С 1 лош.	С 2 и более.
0,76	1,09	1,77

4. Бюджеты различных классов крестьянства

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что сельскохозяйственная кооперация преимущественно обслуживает не пролетарские и полупролетарские массы деревни, а крестьян хозяев, имеющих свое производство, т.-е. хотя бы 1 лошадь. Это станет особенно ясно, если взглянуть на бюджет различных классов крестьянства.

При разработке бюджетов (в числе 890) за 1922 и 1923 г.г. Ц.С.У. разделило хозяйства на маломощные, сеющие до 4 дес., средние от 4—8 дес. и зажиточные и богатые с посевом более 8 дес. По этим группировкам мы находим следующие средние характеристики на одно хозяйство:

	Маломощные (до 4 д. пос.).	Средние (от 4—8 дес.).	Зажит. и богатые (выше 8 дес. пос.).
Размер расходного бюджета 1 хозяйства	403 р.	673 р.	972 р.
Отчуждено на 1 хоз. на сумму	55 р.	94 р.	184 р.
Куплено на 1 хоз. на сумму	77 р.	108 р.	171 р.
Доля личн. заработка в валовом доходе	9,5%	9,5%	4,7%
Процент хозяйств в группе по РСФСР	80,2%	15,9%	3,9%

К сожалению, группа „маломощных“ об'единяет слишком большую часть хозяйств, целых ⁴/₅, включая, следовательно, сюда не только дворы без рабочего скота, но и почти все хозяйства с 1 гол. раб. скота (всего их 86,2%).

Если бы можно было выделить группу беспосевных и малопосевных (до 2 дес.), т.-е. всего 50,5% хозяйств, или без рабочего скота—30,6%, результаты сопоставления были бы

более отчетливы, так как низшая группа тогда представляла бы собой определенный класс бедняков—полупролетариев.

Но и из этих данных можно сделать некоторые выводы. Маломощные хозяйства продают своих продуктов в течение года всего на полсотню рублей на 1 двор; средние—на сотню и зажиточные — почти на две сотни рублей. Так как значительная часть продаж носит мелочной базарный или соседский характер, без посредника *), то на поддающуюся кооперированию часть годового отчуждения, составлявшую до революции $^{1}/_{3}$—$^{1}/_{5}$ долю его, т.-е. у маломощных крестьян около 10—15 руб., сбытовую кооперацию построить мудрено. Мы уже видели, что маслодельные артели почти не имеют значения для хозяев, не обладающих 2 коровами, т.-е. для 83% хозяйств; а это как раз совпадает с группой, названной здесь маломощной.

Следовательно, сбытовая кооперация серьезное значение может иметь только для средней и зажиточной групп, а между тем сбыт есть основное ядро сельско-хозяйственной кооперации, самая существенная ее часть.

Для низших групп большее значение имеет покупка, чем продажа. Больше покупают, чем продают:

Маломощн.	Средн.	Зажиточн. и бог.
На + 22 руб.	На + 12 руб.	На — 13 руб. (больше продают).

При чем, это оказывается возможным потому, что низшие группы дефицит своего бюджета в размере $^{1}/_{10}$ части его покрывают личными заработками, в то время как промысловые доходы в высшей группе составляют ничтожную часть ее бюджета—менее 5%, и носят иной не пролетарской характер.

Излишек продаж над покупками у зажиточных может идти на наем рабочих и аренду земли. До войны промысловые заработки низших групп составляли более половины всего бюджета семьи**).

*) См. Прокопович. „Сельско-хозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства", стр. 17 и 18.

**) Та же книга Прокоповича, стр. 8. Сводя его данные по отдельным губерниям к одному итогу, мы получим следующую картину удельного веса заработков от промыслов во всем крестьянском бюджете. Доход от промыслов в %% ко всему „условно чистому" доходу:

При посеве на 1 хоз.:	До 2 д.	От 2—3 д.	3—4 д.	4—6 д.	6—10 д.	Более 10 д.
% дохода от промысла.	68	55	45	42	35	19

(См. диаграмму № 12).

В довоенное время денежный расход на личное потребление (освещение, одежда, обувь, пища) составлял на 1 хозяйство в год: в бедных уездах 50—70 руб*), т.-е. сумму, близкую к стоимости покупок маломощной группы в настоящее время; в то время как в богатых уездах этот расход равнялся—125—160 руб.

А по бюджетным данным профессора Литошенко, более $^3/_4$ денежного расхода (76,9%) шло в 1923 году на личное потребление и только менее $^1/_4$ (23%)—на сельско-хозяйственное.

Все это заставляет предполагать (более точных данных не имеем), что подавляющая часть суммы покупок всего маломощного крестьянства должна идти на удовлетворение его личных потребностей. Во всяком случае, это вполне можно утверждать для той доли его, которая относится к пролетарской и полупролетарской части крестьянства и которая, поэтому, и представляет собою материал скорее для потребительской, чем для сельско-хозяйственной, кооперации.

5. Коллективные хозяйства

При характеристике классового состава сельско-хозяйственных кооперативов мы еще не останавливались на одном виде их, именно, на, так называемых, коллективных хозяйствах, или колхозах.

Но здесь мы должны сразу же указать место, которое они занимают в нашем сельском хозяйстве. К настоящему времени удельный вес колхозов в массе крестьянских хозяйств едва достигает 1% (по числу членов в них, душ населения, по количеству земли, пашни, скота и т. д.)**). Следовательно, для настоящего времени практического значения в разбираемом нами вопросе колхозы не имеют, и мы могли бы их обойти молчанием. Но для нас важны также и перспективы кре-

---

*) То же, стр. 22.

**) По данным, взятым из книги А. Лозового, количество колхозов в СССР в 1922—23 году составляло около 16.700, об'единявших 1,2 милл. душ на площади около 1 милл. дес.

По данным Конюкова, („Коллективное земледелие“) на 1-ое января 1923 года их было около 16.600, цифры, в общем, совпадающие.

В 1924 г. колхозов было в РСФСР, по данным тов. Карпинского 14.000, а по данным тов. Терлецкого 14.057 и на Украине 5.300, т. е. всего по СССР около 20.000. По данным НКФ по СССР в 1924 г. колхозов исчисляется уже 33.000 (см. ст. тов. Ларина во 2 № журнала „На агр. фронте“). Но и по этим данным облагаемая площадь под колхозами составляла 0,95%, т. е. около 1% всей облагаемой земли или также около 1 милл. дес. (1.064 тыс.), а действительная—около 1,3 милл. дес., людей же в них находилось 1,3% всего населения СССР.

стьянского хозяйства, а в них-то коллективизация занимает (по темпу развития и т. д.), примерно, такое же место какое электрификация в области промышленности.

Поэтому мы должы остановиться на вопрое, в какую же сторону наметились уже теперь изменения в этой области.

По РСФСР мы имеем в этом отношении следующую картину: в начале колхозы появлялись почти исключительно в виде коммун; но затем последние стали постепенно вытесняться сельско-хозяйственными артелями. Процент артелей*) из года в год повышался следующим образом:

В 1918 г.	—
„ 1919 „	31
„ 1921 „	76

Дальнейшая история колхозов с 1921 года, дает новое перераспределение их уже в пользу товариществ по общественной обработке земли. По данным кооперативного отдела Наркомзема**), в составе колхозов произошли следующие изменения в течение 1922 года:

	К концу 1921 г.	На 1-ое янв. 1923 г.	Уменьшен. в %%.	Увеличен. в %%.
Число коммун	3.120	1.448	— 54	—
„ артелей	10.185	6.639	— 35	—
„ товариществ	2.514	3.377	—	+ 34
„ не выяснен.	—	564	—	—
Всего	15.319	12.028	— 24	—

За один только год вдвое сократилось число коммун, на 1/3—число артелей и только число товариществ увеличилось на 1/3.

В ту же сторону происходили изменения в составе колхозов и в последующие годы, что видно из следующей таблички***).

*) Данные взяты из книги А. Лозового.
**) Конюков. „Кооп. земледелие". Прилож. № 2.
***) „Большевик", 1925 г., № 3—4, ст. т. Терлецкого.

Состав колхозов в %% к общему их числу по РСФСР.

	Конец 1921 г.	1923 г.	1924 г.
Коммун	19,7	13,9	11,9
С.-х. артелей . . .	64,4	56,3	55,8
Товариществ . . .	15,9	29,8	32,3

Повидимому, коммуны все более и более отходят на задний план, а с артелями начинают сериозно конкурировать товарищества по общественной обработке земли.

Мы начали коллективизацию с наиболее сложного—с коммун, и пришли к наиболее простому виду колхозов—к товариществам по общественной обработке земли. Надо думать, что обратный и гораздо более медленный путь развития от товариществ через артели к коммунам начнется позднее, после того как коллективизация в своих, наиболее доступных крестьянству формах, одержит верх над мелким единоличным хозяйством.

С изложенным выше в полном соответствии находится и то обстоятельство, что в районах наибольшего развития коллективного хозяйства коммуны играют совершенно ничтожную роль.

Так, напр., на Украине по одним данным, на 1-е марта 1923 года из 4.156 колхозов, насчитывалось всего 3,2% коммун*), а по другим данным**), на 1-е сентября 1924 г. из 5.300 колхозов коммун было всего 353, (6,6%). Между тем, именно, на Украине мы находим безостановочный и наиболее быстрый рост колхозов:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Число колхоз.	300	1.428	3.778	4.620	5.300

В то время как в РСФСР с 1921 по 1922 год число колхозов сократилось на 3.119, на Украине за это время число их возросло на 2.350. С 1922 по 1924 г. число колхозов по

*) „С.-х. кооперация в системе гос. капитализма“, стр. 91.
**) „На Агр. фр.“, 1925 г., № 2, ст. т. Терлецкого.

РСФСР возросло только на 10,7%, на Украине оно поднялось за это время на 40,3%*).

Такая различная судьба коммун, с одной стороны, и с.-х. артелей и товариществ, с другой, ставит вопрос, в чем же существенная разница между теми и другими колхозами.

Важнейшую разницу между ними, нам кажется, нужно видеть в классовом их составе. Если большинство коммун образовано на землях нетрудового пользования, следовательно, не крестьянами, а преимущественно, городскими рабочими, то большенство с.-х. артелей и особенно, товариществ образовалось на землях трудового пользования, след., крестьянами**). Если учредители коммун в подавляющей массе не имели ни лошади, ни коровы, то среди учредителей с.-х. артелей мы находим вдвое большую долю членов, имевших лошадь или корову.

Процент учредителей колхозов в 1920—21 г.***).

	Коммун.	Артелей.
С лощадью	39	68
С коровой.	43	80

В Саратовской губ., по данным т. Терлецкого, в коммунах было более 90% бедноты, тогда как в артелях и товариществах их было около 40%.

Слова т. Качинского в „Очерках по аграрной революции на Украине“, что „на ¾ колхозы состояли из городоских рабочих, по тем или иным причинам порвавшим с городом“ должны быть отнесены, преимущественно, к коммунам ****).

Наибольшее количество коммун в 1920—21 годах (по 100 и более) было в таких пролетарских губерниях, как Екатеринбургская и Тверская. В то же время в таких сельскохозяйственных районах, как Юго-Восток и Поволжье, где было наибольшее количество колхозов, мы находим в 1920—

*) „Большевик“, 1925 г.. № 3—4, ст. т. Терлецкого.

**) На землях трудового пользования образовались: 62%—товариществ, 55%—артелей и только 44%—коммун. („На агр. фронте“, № 2, за 1925 г., Терлецкий, стр. 62).

***) Конюков. „Коллективное земледелие“.

****) „Городское население хлынуло в деревню и убыло в городах к 1920 г. по СССР с 25,2 до 17,0 милл. человек или на 30%“. Кондратьев. „Перспективы развития с.-х.“, стр. 12.

1921 годах ничтожное число коммун и преобладание с.-хоз. артелей*).

	Донск. обл.	Куб.-Черном.	Самарск. губ.	Сарат. губ.
Число колхозов . . .	824	490	582	811
В т. ч. % с.-х. арт. .	89	80	88	74

По более поздним данным, относящимся к 1924 году, наибольшее развитие коллективизации относится к Поволжью, где 2,66% облагаемой земли находится у коллективов и к Украине, где этот% равен 1,26. В остальной же части СССР он колеблется между 0,4 – 0,8%**).

А на Украине наибольшего развития коллективное движение достигло в южных степных губерниях: Одесской, Екатеринославской и Донецкой***). Следовательно, коммуны, эти чисто пролетарские с.-х. коллективы, созданные городскими рабочими, оказались менее всего жизненными.

Однако, мы имеем случай, когда получили известное развитие и чисто пролетарские, именно, железнодорожные колхозы, насаждавшиеся Центр. Управлением Транспортной Агрономии (ЦАГРУ). Рост этих колхозов был следующий:

	Число колхозов.	Число душ об'единенн. населения.
1920 г.	409	140 тыс.
1921 „	1.015	300 „
1922 „	1.317	365 „

„В ж. д. колхозах, говорит т. Лозовой (стр. 161), об'единены главным образом рабочие от станка, которые свободное от работы на транспорте время совместно с членами семей

*) Конюков. „Коллективное земледелие".

**) „На аграрном фронте", 1925 г., № 2, статья. т. Ларина. Вообще по СССР средний % облагаемой земли у коллективов, по данным НКФ, равен приблизительно 1%, (точнее 0,95%).

По данным Сельскосоюза за 1924 г. из числа колхозов, входящих в сеть сельско-хозяйственной кооперации, резко выделяется по числу коммун Уральский район (80 коммун), а по числу артелей и товариществ первое место занимает Нижне-Волжский район (293 арт. и 326 тов.).

***) См. упомянутую раньше ст. т. Терлецкого.

проводят за работой в с.-х. колхозах. Продуктами от ж. д. колхозов они значительно пополняют свой дефицит в бюджете, принимая во внимание пониженную реальность заработной платы железнодорожников, по сравнению с довоенной и задержки с ее выплатой, особенно в отдаленных районах.“

Это, конечно, плохая идиллия, когда железнодорожник вместо отдыха или общественной деятельности, должен возиться на колхозе, а его дети вместо своего обучения полоть или поливать коллективные огороды. Но это он вынужден был делать потому, что огороды все таки дали, в среднем, по 20 пуд. в год овощей на 1 члена колхоза, что явилось серьезным для него подспорьем.

Понятно, это ненормальное, чисто временное, преходящее явление, связанное со слабостью нашего железнодорожного хозяйства, теперь уже окрепшего. Здесь, конечно, дело не в особой транспортной пролетарской „агрономии“, а во временных мерах натуральной поддержки железнодорожников. Никакого будущего подобные пролетарские колхозы иметь не могут.

Из всех приведенных выше сопоставлений мы можем сделать следующие выводы. Первый толчок коллективному движению дан был городскими рабочими, основавшими с.-х. коммуны, главным образом, на местах бывших помещичьих экономий. Затем, однако, коммуны оказались в большинстве своем не жизнеспособными, стали сходить почти нанет, особенно когда восстанавливающаяся городская промышленность стала стягивать к себе рассеянный по деревням пролетариат. Но коммуны всеже сыграли свою роль, послуживши началом дальнейшего развития с.-х. коллективов уже среди известной части крестьянства, изменившей направление коллективного движения, в сторону с.-х. артелей и товариществ.

Какая же, однако, классовая группа крестьянства, преимущественно пополняет состав членов сельско-хозяйственных артелей и товариществ, интересы какого слоя крестьянства лежат в основе современного коллективного движения?

Такой группой является деревенская беднота, сельский полупролетариат тех районов, где происходит наибольшее расслоение крестьянства.

Мы уже указывали выше, что районами наибольшего распространения колхозов являет я: Поволжье, Юго-Восток и Украина, т.-е. места наибольшего развития капиталистического земледелия, где, как раз, наблюдается наибольший рост и закупочно - сбытовой сельско - хозяйственной кооперации.

В этом отношении очень любопытным является сопоставление степени распространения с.-х. кооперативов и колхозов в пределах Украины в 1924 г.*).

	Одесск. губ.	Екатер. губ.	Донецк. губ.	Харьк. губ.	Полт. губ.	Киевск. губ.	Подол. губ.	Черниг. губ.	Волынск. губ.
Проц. коопер. хозяйств. . . .	19,9	14,3	12,7	10,2	7,5	6,9	5,1	5,3	3,4
Распредел. колхозов в %% . .	34	10	12	5	5,6	?	5	1,3	2

Как с.-х. кооперация, так и с.-х. коллективизация наиболее развиваются в степном районе (Одес., Ек. и Дон. г.г.) Украины, где крестьянские хозяйства наиболее захвачены товарным оборотом и где они подвергаются наибольшему расслоению.

Разница только та, что сельско-хозяйственная кооперация развивается среди середняцкого крестьянства, причем наиболее среди крепкого, т.-е. более товарного, середняка, а коллективизация—среди бедноты, т.-е. полупролетарской массы крестьян.

По материалам „Сільского Господаря", в 1923 году в составе колхозов Украины было 78% незаможников, а по сведениям НКЗ УССР, в числе членов колхозов Украины было 60% комнезамов и 15% рабочих, т.-е. также ¾ их составляла сельская беднота. (Значительное большинство 63,1% комнезамов являются безлошадниками.) По отдельным губерниям % бедноты в колхозах был следующий:

По Одесск губ. в 1923—24 г. . . . . 72—71%

По Полтавск. г. в 1922—24 г. . . . . 91—88% **)

Все эти цифры подтверждают ту мысль, что массивом, среди которого наиболее развивается с.-х. коллективизация, является деревенская беднота, сельский полупролетариат, главным образом, безлошадная масса степного юга Европейской части СССР, тогда как с.-х. кооперация более всего вовлекает в круг своего влияния не бедноту, а середняка и, более всего середняка крепкого, ведущего товарное хозяй-

*) „На агр. фр.", 1925 г., № 2, стр. 62.

**) Все данные о классовом составе колхозов взяты из ст. т. Терлецкого. „На аграр. фронте", 1925 г., № 2, стр. 59—62.

ство. Правда, что в сельско-хозяйственную кооперацию входят и коллективы. но здесь беднота выступает уже об'единенной в с.-х. предприятия, значительно более крупные, чем самый крупный крестьянский двор*). В с.-х. кооперации участвует на Украине около 1/2 колхозов**), что, при среднем участии в ней крестьянства, равным около 10%, дает наибольший коэффициент участия, примерно, около 5, именно для коллективных хозяйств.

Таким образом, мы получаем следующую примерную картину сравнительного участия в с.-х. кооперации различных классов крестьянства:

Беднота не об'единенная, (безлошадники)—ничтожное участие, с коэффициентом 0,8 или около—8%.

Середняк маломощный (однолошадник),—слабое участие с коэффициентом—1,1, или около—11% его.

Середняк крепкий (с 2 и более лошадьми)—заметное участие, с коэффициентом от 1,3 до 1,7, или, примерно, от 13 до 17% хозяйств этой группы.

Беднота, об,единенная в колхозы—наибольшее участие, с коэффициентом в несколько единиц, или несколько десятков процентов (до 50%).

Таким образом, если беднота, взятая раз'единенно, почти не принимает участия в с.-х. кооперации, то, она же, об'единенная в колхозы, становится впереди и закупочно-сбытовой с.-х. кооперации. Это и понятно. так как денежность колхозов стоит выше крестьянских хозяйств.

Если денежные поступления в колхозах Украины составляют 16,2% их валового дохода, то денежные поступления крестьянских хозяйств, в среднем, по Украине, составляли только 13,1% валового дохода, при чем 23% дворов вовсе не имели денежного дохода***).

Следовательно, вход в сельско-хозяйственную кооперацию открыт бедноте только через коллективные хозяйства, а другой для нее исход—это полная пролетаризация и превращение в сельского батрака или городского пролетария.

---

*) На Украине в степи на коллектив приходится 117—120 дес., в лесостепи—55 дес. Там же стр. 64. По данным Сельскосоюза, на Всесоюзном совещании колхозов, артель в среднем об'единяет 53,8 души, а товарищество—50,4, т.-е., примерно, по 10 дворов.

**) По материалам Всесоюзного колхозного совещания в марте 1925 г. По данным брошюры Сельскосоюза „С.-х. ко-ция СССР в 1923—4 г." на 1/VIII 1924 г. в сеть с.-х кооперации (в с.-х. кооперативы или в союзы их) входило 6.173 колхоза (без Украины), что составит 44,1% всех колхозов РСФСР, число которых в 1924 г. насчитывалось 14.057 („Большевик" 1925 г., № 3—4, стр. 56). К сожалению, нет данных о том, сколько колхозов входит в низовые с.-х. товарищества.

***) Терлецкий, „На агр. фр.", № 2, 1925 г., стр. 66.

Организация бедноты в коллективы в местах, где нет избыточного сельского населения, является способом ее защиты от наступления крепнущего на юге сельского кулака, средством ее борьбы против своей окончательной пролетаризации.

Этот способ мыслим только при советском строе, ибо только при финансовой, организационной и политической поддержке со стороны пролетарского государства возможна в значительных размерах организация безлошадной бедноты в коллективные хозяйства.

Следовательно, коллективизация—это специально советский тип кооперирования, совершенно невозможный при власти буржуазии, имеющий своим результатом вытеснение крупных кулацких хозяйств еще более крупными коллективными хозяйствами, т.-е. замену расслоения крестьянства коллективизацией его. Коллективизация в таком понимании подходит под общее определение кооперации, как средства экономической самозащиты пролетарских или наиболее близких к пролетариату угнетаемых мелкобуржуазных масс против эксплоатации буржуазии; при чем средством борьбы является организация совместных общих хозяйственных предприятий.

Особенностью в данном случае будет лишь то, что если обычно кооперация (потребительская, сельско-хозяйственная, кустарно-промысловая) организует борьбу на рынке против частного посредника (торговца, скупщика, ростовщика), то коллективная кооперация является орудием борьбы безинвентарной бедноты против кулака-крестьянина, превращающего бедноту—ростовщическими условиями сдачи в аренду ей инвентаря—в своих батраков. Средством борьбы здесь является организация совместного сельско-хозяйственного предприятия, хотя бы в виде совместного использования общего с.-х. инвентаря.

Таким образом, коллективная кооперация есть кооперация бедноты в отличие от сельско-хозяйственной, которая является кооперацией середняцкого крестьянства.

6. Выводы по сельско-хозяйственной кооперации

Первый вывод мы должны сделать следующий. Изучение всех видов сельско-хозяйственной кооперации и в настоящее время подтверждает следующее правило: чем сильнее крестьянское хозяйство, тем большую тягу оно имеет в сельско-хозяйственную кооперацию, и тем, это означает, большую пользу оно из нее извлекает.

Далее, есть какой-то низший предел хозяйственной мощи крестьянина, ниже которого он теряет интерес к сельско-хо-

зяйственному кооперативу, так как главный источник получения средств к жизни у него переносится за пределы собственного сельского хозяйства. Сюда следует отнести, помимо беспосевных сельских пролетариев, и полупролетарскую массу, т.-е. значительную часть малопосевных, (сеющих до 2-х дес.) на севере и значительную часть крестьян, лишенных рабочего скота, на юге.

Но есть, понятно, и высший предел, за которым также не только теряется интерес ко всякой кооперации, но и создается противоположное к ней отношение—вражда. Это тот предел, за которым находится тип кулака, эксплоатирующего крестьянскую массу. С ним во всяком случае не нужно смешивать зажиточного крестьянина, крепкого хозяина, который отличается от других середняков только тем, что он уже прочно связан с рынком в качестве продавца своих продуктов. По своему классовому положению он может быть приравнен к городскому ремесленнику, не прибегающему к найму рабочих*). Середняк маломощный—это крестьянин, сеющий не более 6-ти дес., имеющий 1 лошадь и 1 корову и, в общем, мало связанный с рынком; середняк крепкий сеет не менее 6-ти десятин и имеет, примерно, 2 лошади и 2 коровы, и определенно заинтересован в сбыте своих продуктов. Понятно, что он уже более интересуется сельско-хозяйственной кооперацией, чем маломощный середняк, перед которым только стоит задача стать крепким середняком. Но чтобы стать им, он, по существу, должен быть не менее заинтересован в с.-х. кооперации, чем зажиточный крестьянин. Но так или иначе, сельско-хозяйственная кооперация должна быть признана *кооперацией крестьянина середняка*, т.-е. значительного большинства нашего крестьянства. Сельско-хозяйственный же пролетарий и полупролетарий более заинтересованы в потребительской кооперации.

„Различные виды сельско-хозяйственной кооперации, говорит тов. Мещеряков, в своей книге „Современная кооперация“, имеют целью защитить своих членов от эксплоата-

---

*) В упомянутой брошюре тов. Смирнова мы читаем: „Трудовое крепкое крестьянское хозяйство, восстанавливающее и накапливающее капитал в форме инвентаря живого и мертвого, расширяющее посевную площадь в пределах своего хозяйства и в рамках трудовой нормы данного района, не занимающееся эксплоатацией, должно пользоваться нашей всемерной поддержкой и всякая легкомысленная травля такого рода хозяйства должна быть прекращена“.

По Украине к „кулакам“ тов. Терлецкий относит 10—15% дворов, но он же на той же стр. приводит данные, из которых видно, что хозяйств с 2 и более лошадьми на Украине 15,4%. Получается, достаточно украинскому крестьянину иметь 2 лошадей, чтобы попасть в число кулаков. Совершенно неосторожное обращение с этим названием. („На агр. фр.“, 1925 г., № 2, стр. 58).

ции скупщиков продуктов крестьянского хозяйства и от тех торговцев, которые снабжают крестьян сельско-хозяйственными машинами и орудиями, удобрением, улучшенными семенами и т. п.

Эти кооперативы защищают только крестьян. Пролетарию они дать ничего не могут. Естественно, что только крестьяне являются членами таких кооперативов. Естественно, что сельско-хозяйственная кооперация носит поэтому крестьянский мелко буржуазный характер“.

Однако, по отношению к южному полупролетариату деревни—безлошадному крестьянству мы должны сделать весьма существенную оговорку, имея в виду не вообще сельско-хозяйственную кооперацию, довольно быстро развивающуюся на юге, а сельско-хозяйственные артели, которые пока играют ничтожную роль. Мы уже знаем, что юг европейской части СССР, несмотря на наилучшие условия для развития здесь сельского хозяйства (близость черноморского внешнего рынка, плодородие земли, длительность лета, достаточность земельного простора и т. д.), отличается огромным, превышающим *половину всех крестьянских дворов* (52,7%), процентом хозяйств, лишенных рабочего скота, но как-то всеже засевающих по одной—две десятине. При недостаточности здесь кустарных промыслов, при меньшей емкости, чем на севере, городского рынка для рабочих рук, здесь открывается только два пути развития: путь превращения безлошадной массы в класс чистых батраков для богатой группы крестьян, которая на эксплоатации их сама превратится в класс крупной сельской буржуазии; либо эта безлошадная масса, растерявшая вместе со своим инвентарем и значительную часть своих мелкособственнических наклонностей, *под давлением* широко развертывающейся на юге *инвентарной эксплоатации* в интересах собственной самозащиты от нее, сорганизуется в сельско-хозяйственные артели. В последнем случае крестьянская беднота, об'единившаяся в коллективные хозяйства, может использовать преимущества, которые дает применение в крупных сельско-хозяйственных предприятиях таких усовершенствованных орудий, как, например, трактор. В условиях земельного простора юга полная нагрузка трактора, его рентабельность при наличии близости внешнего рынка и его способность заместить исчезнувший наполовину на юго-востоке и на треть на Украине рабочий скот—делают создание тракторных товариществ или сельско-хозяйственных артелей здесь вполне отвечающим жизни делом. Мы должны помнить, что целая *половина* крестьянских дворов Украины (49,5% в 1923 г.) имеет свои посевы при совершенном отсутствии собственного рабочего скота. Отчаянная борьба этой половины укра-

инского населения *за свою* посевную площадь, откровенная эксплоатация ее со стороны кулаков в виде отработков за пользование инвентарем, стремление последних отобрать у бедноты посевную площадь в форме замаскированной аренды, невозможность для такой массы сельской бедноты найти себе внесельско-хозяйственный заработок, все это создает несомненно, благоприятную почву для об'единения ее в сельско-хозяйственные артели и товарищества и с огромной силой толкает ее входить в эти коллективные хозяйства*). И в первую голову такого об'единения могла бы добиться та часть безлошадной массы, которая сохранила хотя бы коекакие кусочки хозяйства: мелкий инвентарь, усадебные постройки, мелкий скот, коровенку и т. п.

Но, как мы видели, *„естественный" ход развития классовых отношений, предоставленный самому себе, происходит по законам обычной капиталистической механики разложения крестьянства.* Чтобы направить развитие в социалистическую сторону, здесь должна сказать свое решающее слово финансово-организующая сила диктатуры пролетариата. Вопрос здесь стоит почти конкретно: *бедноте нужно дать трактор* и она его „отработает" Советской власти, вместо того, чтобы „отрабатывать кулаку" за пользование его лошадью, и этим только еще больше ему закабаляться.

К производящему району все это относится в значительно меньшей степени.

---

*) Любопытно, что на юге в настоящее время достигло огромного развития соседское соединение инвентаря и раб. сил, так называемая „супряга", доходящая, например, в Одесской губернии, местами до 30% крестьянских дворов.

ГЛАВА III.

Потребительская кооперация в деревне на примере Московской губернии.

Задачей этой работы, как указано было в начале ее, является разграничение областей деятельности сельско-хозяйственной и потребительской кооперации в нашей деревне. При решении ее можно итти двумя путями: либо искать внешнего размежевания в характере операций, которые ведут тот и другой вид кооперации, в функциональном их различии; либо искать внутреннее существенное различие в классовом содержании обоих видов кооперации. Первая точка зрения в основу разграничения ставит—*что* делает кооператив; вторая точка зрения исходит из того, *кто*, какой класс об'единяется кооперативом. Обычно кооператоры являются сторонниками первой точки зрения; в настоящей работе сделан опыт проведения разграничения между обоими ветвями кооперации, исходя из второй точки зрения *).

В этой главе использованы материалы обследования потреб. кооперации, произведенного в 1924 г. Московской КК и РКИ, на основании которого мы пытаемся здесь критически подойти к первой точке зрения.

I. Степень типичности обследованных МРКИ сельских п. о.

Здесь необходимо предварительно остановиться на вопросе о том, насколько типичны обследованные МРКИ сельские потребительские общества **). Из 280 сельск. потр. о-в

---

*) Близко ко второй точке зрения подходит А. М. Фишгендлер в своих работах: „Два пути“ в сборнике „Потр. ко-ция и с. хоз-во“ и „К вопросу о разделении труда в кооперации“ в „Эк. обозрении“ за 1924, вып. 14. Но и он не ставит точек над i.

**) Всего обследовано было 22 кооператива, из них 12 в Москве и 10 в Московской губернии.

Московской губ. на 1/I—24 г. обследованию подверглось всего 8 кооперативов, т.-е. около 3%. Кооперативы эти взяты из различных уездов по указанию Инструкторского отдела МСПО, как кооперативы типичные. В их число вошли:

2 мелких	п.	о.	с	балансом	в	1—2	тыс.	руб.
2 средних	„	„	„	„	„	5—10	„	„
2 крупных	„	„	„	„	„	25—35	„	„

Кроме того взяты: один совершенно немощный кооператив, большую часть года неработающий, и один очень развитой с балансом в 75 тыс. руб.

Среднее (на 1 п. о.) количество членов у них превышает пятьсот (554) в то время как во всех сельских п. о., по данным стат. отд. МСПО, их было (на 1 п. о.) несколько менее пятисот (475). Средний месячный оборот по продаже (вычисленный за весь 1923 г.) у обследованных кооперативов составлял 4 тыс. руб., тогда как для всех сельских п. о. Московской губ. он в 3-ем квартале того же (1923) года равнялся 3,1 тыс. руб. В течение 12 мес. месячный оборот обследованных кооперативов возрос в 4,3 раза; вообще же в сельской потр. кооперации Московской губ. он в течение *6 месяцев* поднялся в 2,4 раза, т.-е. темп роста был приблизительно одинаков. В строении баланса, как у обследованных, так и у всех сельских потреб. об-ств находим одну и ту же черту: большая часть его заключена в имущество и только $^{1}/_{3}$ находится в товаре.

Из этого сопоставления, полагаем, можно сделать вывод, что обследованные кооперативы должны в достаточной мере отражать характеристику сельской потребительской кооперации Московской губ., но что пропорция крупных, средних и мелких кооперативов, в действительности, имеет больший уклон в сторону мелких, чем это имеется среди обследованных потребительских обществ.

2. Характеристика сельских потребительских обществ в Московской губернии.

Переходя к анализу 8 обследованных типичных п. о., мы прежде всего должны отметить следующую их особенность: по мере количественного роста финансовой силы кооператива, меняется и качественная характеристика его хозяйственной работы. Это лучше всего иллюстрирует следующая табличка, показывающая наличие (+) или отсутствие тех или иных операций в кооперативе.

№№ по порядку.	Название сельск. потребительск о-в.	Баланс на 1/I—24 г. в тыс. рубл.	Продажа предметов потребительск. ассортимента.	Продажа товаров сельско-хозяйств. ассортимент.	Прием вкладов.	Выдача ссуд.	Сбыт продуктов сельск. хозяйства.	Обслуживание сельск. хозяйства подсобными предприятиями.
1.	Лисавинское . .	0	+	—	—	—	—	—
2.	Бухоловское . .	0,8	+	—	—	—	—	—
3.	Валуево - Пушкинское	2,1	+	—	—	—	—	—
4.	Шелковское . .	4,6	+	+	—	—	—	—
5.	Константиновск.	10,0	+	+	+	—	—	—
6.	Хатунское . . .	27,3	+	+	+	+	—	—
7.	Шаховское . . .	32,9	+	+	+	+	+	—
8.	Ярополецкое . .	75,2	+	+	+	+	+	+

Из этой таблицы можно получить следующую более упрощенную табличку.

Баланс на 1/I—24 г.	0	0,8	2,1	4,6	10,0	27,3	32,9	75,2
Число функций (отраслей работы) в 23 г.	1	1	1	2	3	4	5	6

(См. диаграмму № 9).

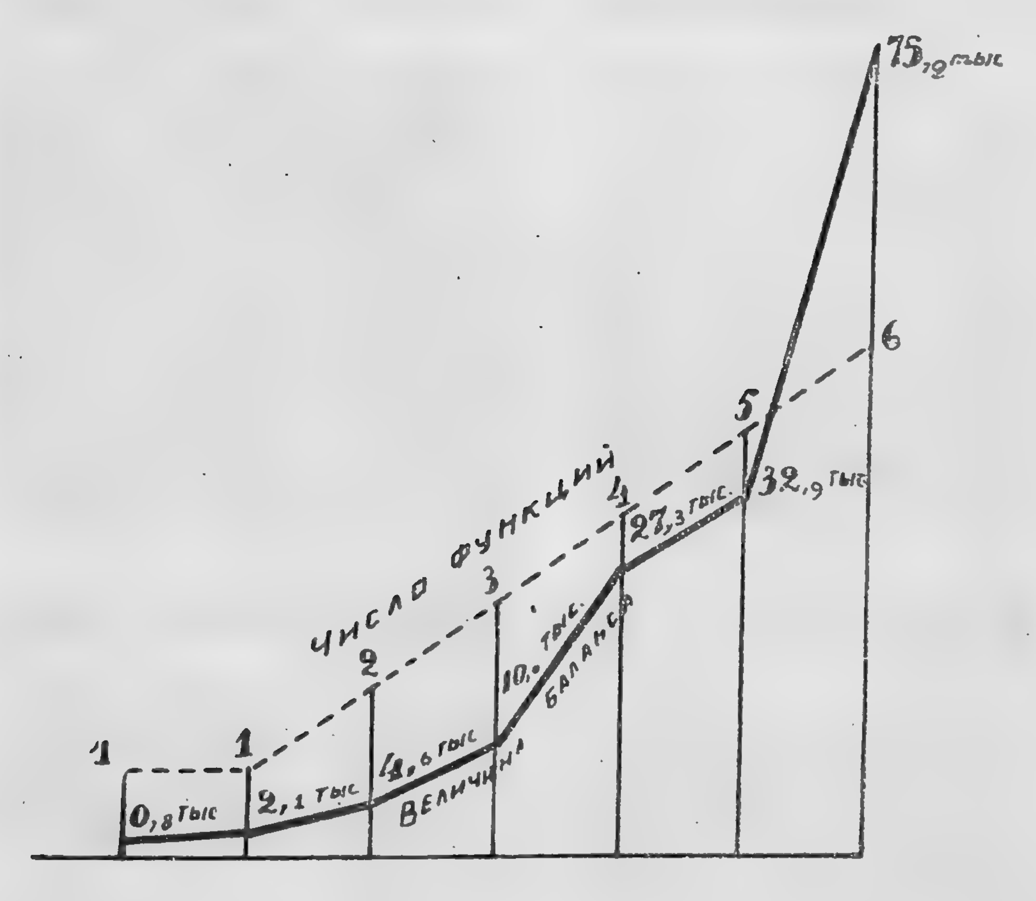
Чем более силен кооператив в финансовом отношении, тем большее количество функций включает он в свою деятельность.

При этом для Московской губернии мы может наметить следующую примерную схему умножения функций потребительского общества, по мере финансового его роста.

При балансе в 1—2 тыс. руб. оно продает товары исключительно, так назыв., потребительского ассортимента, при балансе в 5 тыс. руб. к этому ассортименту начинают примешиваться и предметы сельско-хозяйственного обихода (веревки, гвозди и пр.), но в ничтожных размерах. Заметную роль они начинают играть лишь при балансе в 10.000 руб., и в этот момент в кооперативной работе появляется вкладная операция, достигающая заметного развития лишь при достижении балансом размера не менее 25.000 руб. Тогда же при условии достаточного развития вкладной операции, ко-

Диаграмма № 9

Зависимость числа функций сельского потребительского общества от размера его баланса (на примере Москов. губ.) на 1-го января 1924 г.

№ кооперат.: 2-й 3-й 4-й 5-й 6-й 7-й 8-й

оператив начинает выдавать крестьянам ссуды. В этот момент в сельско-хозяйственном ассортименте появляются и земледельческие орудия. При балансе в 30—35 тыс. руб. развиваются операции по сбыту продуктов сельского хозяйства и уже только при балансе в 75.000 руб. мы наблюдаем ряд подсобных для крестьянского хозяйства предприятий: прокатный пункт, ремонтную мастерскую и пр.

Такой порядок развития операций диктуется относительной быстротой оборота капитала при различных операциях. Если при потребительском ассортименте оборот может достигать $1\frac{1}{2}$—2 раз в месяц, то при сельско-хозяйственном этот оборот попадает в зависимость от сезона и, по мере перехода от мелких товаров, в роде гвоздей, ободьев, вил, к более крупным, как сани, плуг и т. д. этот оборот все более и более замедляется, доходя до 1 раза в месяц и меньше.

При выдаче ссуд оборот должен быть еще более замедленным, так как ссуда должна выдаваться на несколько месяцев, если не на весь год. Сбытовая операция, состоящая из сбора сырья и реализации его и связанная с определенным сезоном (заготовка льна, овса, сена, и пр. в Москов. губ.) также вызывает более медленный оборот, чем чисто потребительская операция, а к тому же требует для себя специальных средств. Такие же, весьма полезные особенно малоимущему крестьянству, предприятия, как прокатный или случный пункт, ремонтная мастерская и т. п., требуют единовременного вложения солидных средств в организацию этих предприятий и, следовательно, доступны лишь наибодее мощным кооперативам.

3. [redacted] Коммерческие и кооперативные мотивы в работе [redacted] потр. о-ва.

В связи со сказанным выше следует поставить такое наблюдение, что скорость товарного оборота (число оборотов по продаже) вначале растет, а затем падает, в то время как % накидки (начисления) на себестоимость ведет себя обратно сначала падает, а потом начинает расти.

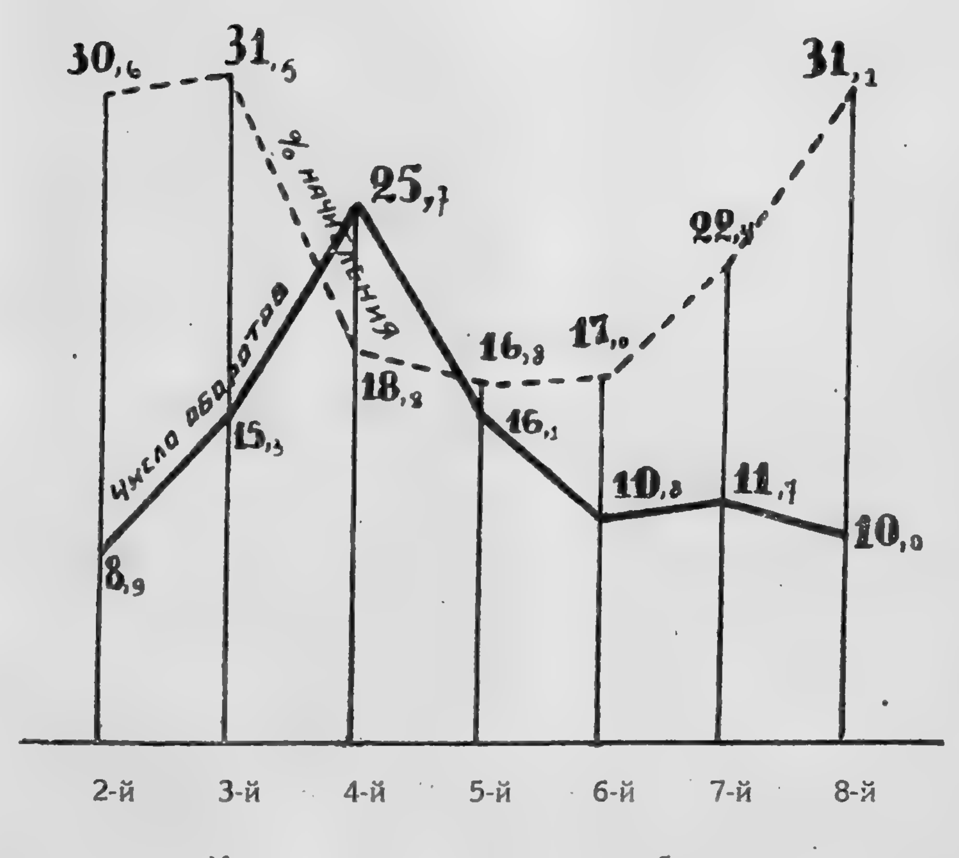
Приведем относящиеся сюда цифры.

№ кооперат. по величине баланса (от меньш. к больш) . . . . —	2	3	4	5	6	7	8
Число товарных обор. в год. . —	8,9	15,3	25,7	16,1	10,8	11,7	10,0
% накидки на себестоимость . —	30,6	31,5	18,8	16,8	17,0	22,4	31,1

(См. диаграмму № 10).

Диаграмма № 10

Зависимость % начисления на себестоимость (накидки) от быстроты товарного оборота.

В начале, с ростом размера кооператива скорость оборота поднимается с числа оборотов менее чем 1 раз в месяц до числа оборотов более чем 2 раза в месяц Затем, когда кооператив, достигший некоторой финансовой силы (ок. 5 т. р. баланса), уступая запросам населения, переходит к обслуживанию и хозяйственных нужд населения, и его ассортимент осложняется более медленно оборачивающимися товарами (земледельческими орудиями и пр.), скорость оборота начинает постепенно падать, снижаясь до 1 раза в месяц и даже ниже.

С размером накидки на себестоимость товаров происходит наоборот. Вначале, при ничтожных средствах и медленном обороте, кооператив для покрытия своих расходов вынужден брать максимальную накидку на себестоимость— до 30%, но затем, по мере роста своих оборотных капиталов и ускорения оборота, он начинает снижать накидку, доводя ее до 16—17%. Далее, сельское потреб. о-во, идя навстречу запросам населения и имея уже к тому финансовую возможность, начинает переходить к операциям, менее коммерчески выгодным, но более кооперативно полезным, чем расширение прежних операций, т. е. к удовлетворению других наиболее острых потребностей своих членов. В ассортимент начинают примешиваться товары сельско-хозяйственного потребления, с более медленным оборотом, что вызывает необходимость повышения накидки.

Дойдя до известных размеров оборота по продаже—около 35—55 тыс. руб. *) в год Московский сельский потр. кооператив, дальнейшую свою деятельность уже расширяет в сторону кредитных и сбытовых операций, а затем приступает к созданию необходимых широкому крестьянству подсобных для сельского хозяйства предприятий. Товарный же оборот не расширяется параллельно росту баланса, как это мы видим в городских потребительских кооперативах, а все более и более от него отстает. Вновь накопляемые средства, по запросам населения, отвлекаются на новые и новые его потребности. Отношение товарного оборота к балансу падает, по мере перехода от мелких сельских п. о. к крупным, как это видно из следующих цифр.

Баланс на 1/I—24 г.	0,8	2,1	4,6	10,0	27,3	32,9	75,2
Отношение к нему тов. оборота за 1923 г.	7,7	18,0	12,3	3,5	22,	1,7	1,1

Это указывает на все более и более растущее, по мере развития сельского потребительского общества, отклонение

*) Размер год. тов. оборота был в обслед. сельских п. о. Моск. губ. следующий (в порядке величины к-ва в тыс. руб.):

(6,2) 37,1 56,4 35,3 59,8 55,1 (82,8)

его от типа простой деревенской лавочки, торгующей только предметами личного потребления, и на все большее и большее усложнение его функций.

Если для рабочих кооперативов существенным их отличием друг от друга является *количественный* размер товарного оборота, то для крестьянских потреб. обществ при одном и том же обороте, может быть существенное *качественное* различие в характере тех операций, которые кооператив ведет. Всякий крестьянский кооператив всегда стоит перед задачей выбрать момент когда его финансовая сила позволит ему включить в работу новую функцию, коммерчески (для аппарата) менее выгодную, но кооперативно (для членов) более полезную.

Уметь найти правильную линию между *коммерческими и кооперативными* соображениями является для крестьянского кооператива условием успешности его работы. Только кооператив, сумевший своевременно начать удовлетворение назревших потребностей своих членов приобретает ту действительно прочную основу для своего развития, которая заключается в активной поддержке обслуживаемого населения. Только кооператив умеющий учитывать свои финансовые возможности, коммерческую для себя приемлемость той или иной операции, может предохранить себя от краха и подрыва положительного отношения населения вообще к кооперации.

Таким образом, на примере московских кооперативов мы видим, что развивающиеся сельские потребительские общества неизбежно выходят за пределы снабжения своих членов исключительно предметами личного потребления и домашнего обихода и начинают выполнять ряд функций, свойственных сельско-хозяйственной кооперации. Только кооперативы слабые вынуждены держаться потребительской чистоты, так как чисто потребительская операция, как простейшая, является для них коммерчески наиболее выгодной и единственно доступной. Следовательно, стремление во что бы то ни стало ограничить работу потреб. обществ всегда и при всяких условиях исключительно „потребительскими“ операциями—на практике может иногда означать содействие превращению их в немощные мелочные деревенские лавочки.

4. Основа в работе сельских потребительских обществ

Но как бы далеко ни заходило осложнение функций сельского потребительского кооператива, основой его все-таки остается снабжение своих членов потребительскими товарами. Начавши с этой работы свою деятельность, он не оставляет

ее во все дальнейшее время, держа центр тяжести своих финансовых расчетов и пределах торговли потребительскими товарами.

Это положение подтверждают и наши материалы по Моск. губ. Даже в самых крупных кооперативах (№№ 6, 7, 8) наиболее развитая из сельско-хозяйственных операций—снабжение членов товарами сельско-хозяйственного потребления остается на втором плане, так как эти товары, по словам, например, обследователей Хатунского п. об-ва не имеют такого быстрого оборота, как мука, крупа и сахар. А Валуево-Пушкинское (с балансом в 2 тыс. руб.) совсем не снабжает своих членов предметами сельско-хозяйственного обихода, по словам обследователей, потому, что „медленный оборот с ними при недостатке средств убил бы кооператив".

В самом крупном Ярополецком потреб. обществе семенного льна продано крестьянам всего 100 пуд., а крупных с.-х. орудий приобретено крестьянами от этого кооператива только 55 штук.

Кредитные операции дали остаток в балансе на 1/I—24 г. около 2-х с половиной тыс. руб. (как вкладов на стороне пассива, так и ссуд на стороне актива) в кооперативах с балансом около 25—35 тыс. руб., что составит всего 5—10% всей суммы баланса. Операции по сбыту составляли в 3-х самых крупных кооперативах от 1/10 до 1/4 оборота (для переработки продуктов сельского хозяйства у них же было 2 мельницы и 1 крупорушка).

А подсобные для сельского хозяйства предприятия были только в Хотунском потребительском об-ве: кузница и кирпичный завод и в Ярополецком; кузница, ремонтная мастерская и прокатный пункт (сюда можно отнести и электростанцию). При этом работа всех этих предприятий была очень скромной: например, мастерская исправила 50 сельско-хозяйственных орудий, а прокатный пункт помог всего 23 хозяевам.

Таким образом, главная масса работы заключалась все-же в снабжении населения потребительскими товарами. Глубоким основанием для этого является, конечно, классовый характер того населения, из среды которого набирается состав членов кооператива.

Попробуем присмотреться к нему на примере Яропольской вол., где кооператив самый крупный и зашел далее всего по пути обслуживания хоз. нужд населения. В нем участвует 3/4 наличного числа хозяев: 1.500 (в 1923 г.) из 2.162 хоз. (по переписи 1922 г.).

В 1920 г. на одно хозяйство приходилось в этой волости, в среднем, по 1 раб. лошади и 1 1/4 корове (по переписи 1920 г. было 2.034 хозяйств с 1.985 раб. лош. и 2.506 коровами).

В том же 1920 г. социальный состав хозяйств здесь был следующий:

Безлошадных.	Однолошадников.	С 2-мя и бол. лошадьми*)
15%	73%	12% (в т. ч. с. 3 л.—0,3%)

По обследованию в 1923 г. комиссии при ЦК РКП, в 1922 г. в этой волости было только 7% продающих хлеб, а покупали его около половины хозяев.

Следовательно, Ярропольская волость относится к числу потребляющих, а не производящих местностей; Ярропольское потребительское общество, охватившее почти всю волость, обслуживает в первую очередь пролетарскую (в 300 безлошадников) и полупролетарскую части (примерно, в 1.000 однолошадников и в то же время однокоровников), так как обе эти группы составляют значительное большинство населения. Это и придает Ярропольскому кооперативу определяющий его характер потребительского о-ва, основой хозяйственной работы которого является снабжение населения предметами личного потребления. Однако имея своими членами и крепких хозяев, выступающих на рынке в качестве продавцев, гл. обр. льна**) (в 1920—22 г. площадь подо льном составляла около 370 дес.), кооператив должен был, правда, во вторую очередь заняться не только снабжением этой части своих членов сельско-хозяйственными принадлежностями, но и кооперированием сбыта льна на комиссионно-посреднических началах, которого было продано в 1923 г. на 25.700 руб. (30% всего товарооборота).

Следовательно, характер функций Ярополецкого потр. о-ва и пропорция их в общей его работе зависели от характера социальных групп и пропорции их в общем составе населения этой волости.

Для характеристики других частей Москов. губернии используем данные по Горской и Суковской волостям, Колом. у., которые избраны были Ц.С.У., как типичные для Московского района при организации выборочных обследова-

*) Хрящева. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства стр. 22. По типичным для Моск. г. Горской и Суковской волостям 72% дворов сеют меньше 2 дес., т.-е. относятся к полупролетарским „хозяйствам". Подавляющее большинство однолошадников Моск. губ., как видим, являются, в сущности, полупролетариями, прибегающими к посторонним заработкам.

**) По обследованию комиссии при ЦК РКП, в 1922 г., лен продавали 47% зажиточных и 43% середняков.

ний. По этим данным, состав социальных групп крестьянства в 1920 и 23 г. был следующий.

Число хоз.	Без пос.	До 2 дес.	От 2—4 д.	4—6 д.	6—10	Всего.
1920 г.	354	912	446	43	2	1757
1923 г.	168	1083	479	37	4	1771

В промежутках этих 3 лет 140 хозяйств из беспосевных и отчасти из малосеющих ликвидировались и ушли в город, показавши этим, что первые две группы, составляющие 70%, являются кандидатами в пролетарии. Все остальные хозяйства имеют также небольшие посевы—менее 6 дес. на двор, за исключением одной—двух пар хозяйств, сеющих от 6—10 д.

Из этих данных мы должны сделать следующее заключение, что большинство крестьянской массы Московской губ. представляет собой материал не для сельско-хозяйственной, а потребительской кооперации, с примесью к ней такого числа с.-х. функций, которое соответствует социальному составу населения и финансовой силе кооператива.

Таким образом, пример Московской губ. подтверждает, что подлинный характер селького кооператива, (под каким бы названием он ни работал,)—(т.-е. преобладает ли в нем обслуживание личных или хозяйственных потребностей)—зависит от того, *кого* кооператив обуслуживает—полупролетарские деревенские массы или хозяйственных крестьян, или же в известной пропорции и тех и других. Мы убеждаемся в том, что состав и пропорция функций в сельском потребительском обществе зависят от таких глубоко коренящихся причин, как классовый состав и пропорция классовых групп среди самого местного крестьянского населения. А так как всегда мы имеем не сплошную массу одного „чистого“ класса, а лишь преобладание среди населения той или иной классовой характеристики, т.-е. ту или иную степень переходного типа, с примесью и более „чистых“ представителей других классов крестьянства, то мы и не можем иметь в деревне, как правило, чистый тип кооператива. Он будет в своей работе, так или иначе, отражать классовый состав обслуживаемого населения, с уклоном в сторону наиболее преобладающего в данной местности класса, или в сторону преобладающих классовых черт, если среди местного населения господствует переходная группа. А при таком условии совершенно невозможно

стьян Евр. России по переписи 1917 г. (Губернии, в которых более 90.000 дворов с промышленниками).

Источник: „Стат. сборник“ за 1913—17 г. вып. I, ЦСУ (стр. 216 и сл. Табл. IV. Гр. 13).

в 1916 году. (Губернии, в которых более 400 потребительных обществ).

Источник: „Альбом рабочей кооперации“, сост. Хейсиным (табл. 13, рис. 40).

механически, шаблонно размежевать функции „потребительского“ общества с функциями „сельско-хозяйственно“ кооператива. Проведение внешними мерами одинаково для всех мест и всех кооперативов строго функционального разграничения привело бы к грубому стеснению самого населения, нарушило бы его существенные интересы и без надобности поколебало-бы основной кооперитивный принцип — самодеятельность кооперируемых масс.

5. Подтверждение выводов по Московской губернии наблюдениями в более широком масштабе

Проверить в настоящее время зависимость типа кооператива от классового состава населения на более обширном, чем Московская губерния, районе трудно, помимо многих причин, еще и потому, что далеко не всегда теперь название кооператива соответствует действительной его работе, что, сплошь и рядом, так называемые, потребительские и сельско-хозяйственные кооперативы производят совершенно одинаковую работу. Но на материалах дореволюционной кооперации мы имеем следующее подтверждение нашей мысли.

Как известно, подавляющая масса промысловых занятий крестьянства имеет пролетарский (отхожие промыслы) или полупролетарский (кустарные промыслы) характер; деревенские промышленники — капиталистические предприниматели численно тонут в массе промыслового рабочего населения. Это можно подтвердить зависимостью распространения промыслов от количества малопосевных крестьян в том или ином районе (см. диаграмма №11) *) и ролью этих промыслов в бюджете крестьянина той или иной обеспеченности посевной площадью (см. диаграмму 12).

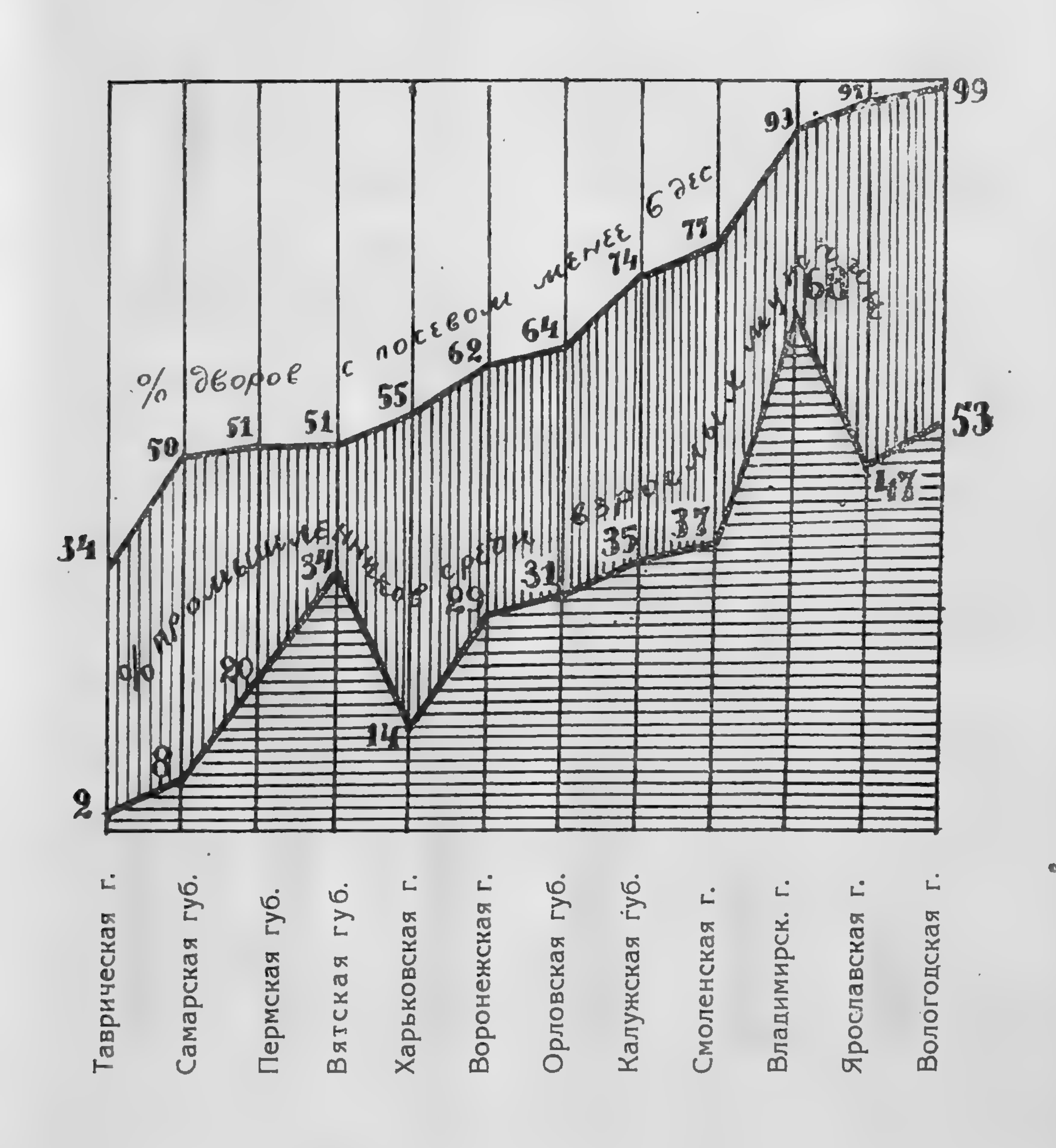
Если же мы возьмем степень распространения промысловых занятий, то увидим, что районы наибольшего их развития являются в то же время и районами наибольшего распространения потребительских обществ. Несмотря на грубость взятых признаков (абсолютные, а не относительные величины) все-же сравнение прилагаемых двух картограмм подтверждает несомненную связь между этими двумя явлениями. В северных частях Европейской России с преобладанием бедняцкого крестьянства, приобретавшего половину и больше своих средств от промысловых заработков, мы видим и наибольшее развитие потребительской кооперации.

---

*) „Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства“ А. Кауфман, стр. 303. „К теории сельско-хозяйственной эволюции“ Ал. Ал. Мануйлов, стр. 73.

Диаграмма № 11

Зависимость промысловости губерний от количества маломощных хозяйств (до революции).

Некоторое подтверждение зависимости распространения потребительской кооперации от наличия значительных пролетарских и полупролетарских масс среди местного крестьянского населения мы все же имеем и для последнего времени в только что вышедшем издании Центросоюза: „Атлас диаграмм потреб. кооперация в СССР. 1923—24 хоз, год“ (стр. 92).

При средней кооперированности сельского населения СССР в отношении потребительской кооперации, равной в 1923—24 году 14,4%, мы находим выше средней кооперированность, с одной стороны, в таких районах наибольшего классового расслоения, как Юго-Восток (с кооперированностью в 28%), Крым (26,6%), Сибирь (20,7%) и Украина (16,9%), а с другой—в таких промышленных и потребляющих районах, как Урал (18,9%), промышленный центр (14,8%) и Северо-Восток (24,4%).

— Ниже среднего мы находим развитие потребительской кооперации в районах господства маломощного середняка, как Средне-Волжский (4,9%), Башкирия (4,2%), Киргизия (7%), Черноземный центр (12,2%) и Закавказье (9,2%). К средней приближается кооперированность в Нижне-Волжском районе (13,3%), и только 3 района несколько нарушают правильность схемы: Вятско-Ветлужский, Северо-Западный и Западный, в которых кооперированность достигает только 10% (без малого).

По тому же вопросу интересный фактический материал мы находим в только-что полученной третьей книжке журнала „На аграрном фронте“ в статье т.т.: Вильдо, Ужанского, и Цилько „Расслоение деревни и кооперация“.

В той части Курской губ., которая подверглась исследованию со стороны указанных авторов, сельско-хозяйственная кооперация представлена почти исключительно специальным ее видом—свекловичной кооперацией, весьма значительно здесь развитой. Этим видом кооперации охвачена здесь целая четверть крестьянских хозяйств (24,8%), тогда как остальные виды сельско-хозяйственной кооперации едва включают в себя 1% дворов (0,9%).

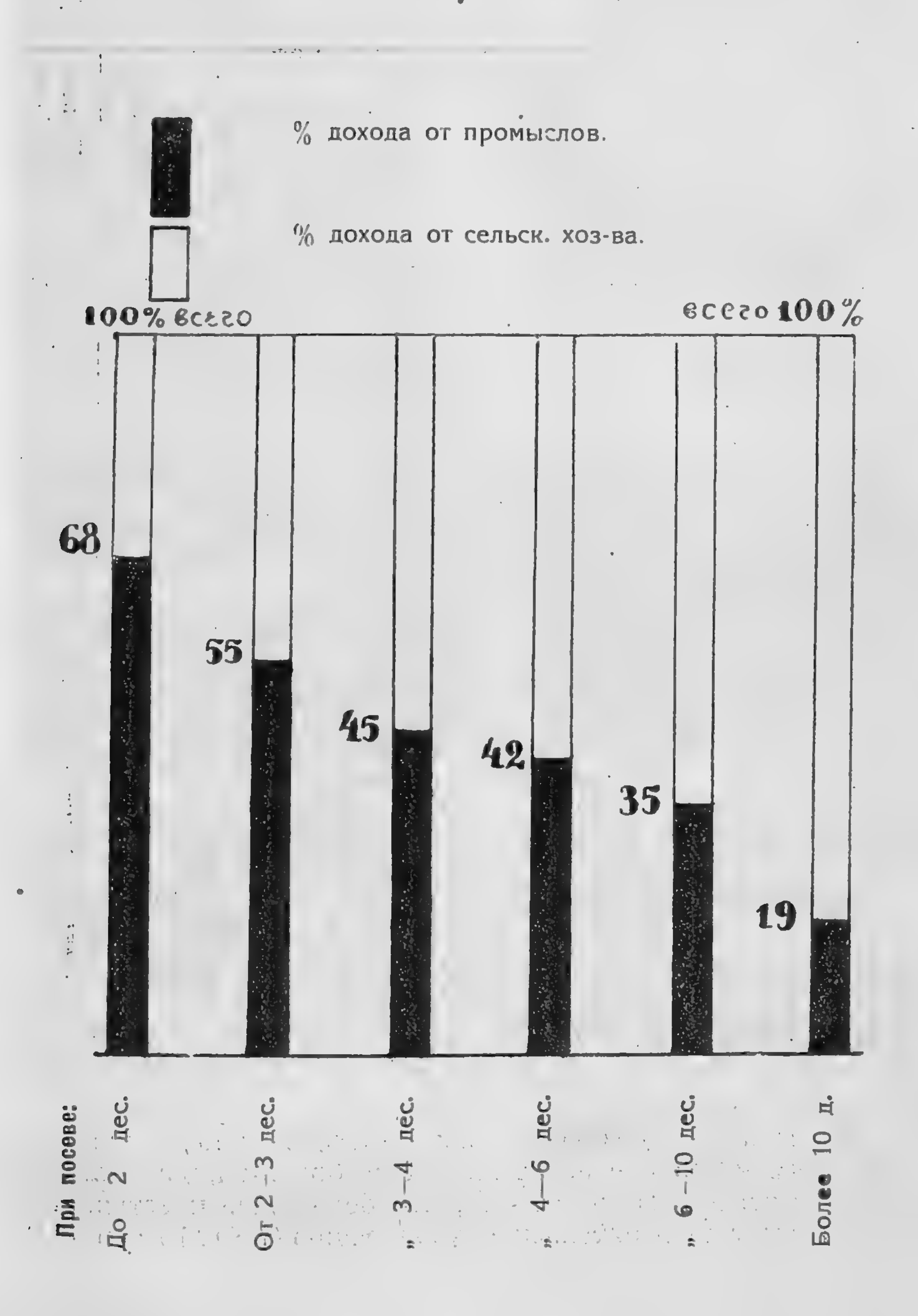
Материалы этой статьи полностью подтверждают установленное в настоящей работе правило, что участие в сельско-хозяйственной кооперации различных по обеспеченности групп крестьянства тем больше, чем более обеспечена данная группа. „Все указанные явления, говорится в ней—получили наиболее резкое выражение в свекловичной кооперации, где мы наблюдаем рост кооперированных хозяйств вместе с ростом посевов свеклы“ (стр. 124).

Что же касается потребительской кооперации, то оказывается, что „% охваченного потребительской кооперацией

Диаграмма № 12

Роль промыслов в бюджете различных групп крестьян.

(по размеру посевной площади).

крестьянства почти один и тот же во всех группах „свекольности“ и колеблется вокруг средней 16,49%“ (стр. 123). „Население разных групп охвачено потребительской кооперацией более или менее равномерно“ (стр. 124).

Хорошо подтверждает все вышесказанное табл. № 7 (на стр. 122), показывающая % кооперированных хозяйств по группам „свекольности“:

Группы по посеву свеклы.	Без пос.	До 1/4 д.	1/4—1/2 д.	1/2—3/4 д.	3/4—1 д.	Выше 1 д.	По всем группам.
% хозяйств, вошедших в свекловичную кооперацию	1,8	22,7	40,4	66,5	49,7	54,8	24,8
% хозяйств, вошедших в потреб. ко-цию . .	**16,6**	12,6	17,5	**16,4**	23,2	**16,7**	**16,5**

Почему же низшие группы и, в особенности, группа не сеющих свеклы, составляющая весьма значительную часть (43,3%) всего местного крестьянства, в наиболее близкой ей потребительской кооперации так же слабо участвует (16,6%), как и все вообще крестьянство (16,5%)?

Причина заключается в меньшей вообще „кооперативной“ сознательности и организованности беднейшей части крестьянства этого района сравнительно с более обеспеченным сельским населением, что видно из следующих данных:

Процент общей кооперированности различных групп крестьянства, независимо от видов кооперации:

Группы по посеву свеклы:	Без пос.	До 1/4 д.	1/4—1/2 д.	Выше 1/2 дес.
% хоз., вошедших в какую-либо кооперацию	18,9	38,3	58,9	77,7 (82,9 - 71,4)

Но если мы возьмем только „сознательное“ кооперативно-организованное население, то выбор им вида кооперации дает ясное указание на то, что беднейшее крестьянство предпочитает потребительскую кооперацию (табл. 10, стр. 124):

Группы по посеву свеклы *).		Без пос.	До 1/4 д.	1/4—1/2 д.	1/2—3/4 д.	3/4—1 д.	Выше 1 дес.
% хоз. из всех кооперированных приходится:	на потр. ко-цию	**87,5**	36,0	34,0	24,7	36,1	27,3
	„ свекл. „	**9,5**	56,7	64,4	75,3	63,0	72,7

„Мы замечаем нарастание свекловичной кооперации от низших к высшим группам и вместе с тем падение значения потребительской кооперации“ (стр. 125).

Правильный вывод делается авторами статьи, „что самое важное в кооперативной деятельности, в ее успехе и развитии—это хозяйственная заинтересованность крестьянства. А она не во всех группах одинакова и не для всех видов кооперации одна и та же. Так, она *для беднейших хозяйств имеется в потребительской кооперации* (подчеркнуто мной. М. В.). Для производственной же кооперации у безлошадника, безкоровника, безинвентарника нет базы, нет необходимых средств для внесения, подчас, вступительного и паевого взносов. Сбывать в кооператив такому „хозяину“ нечего, покупать не на что, кредита нет, или он недоступен как из-за высокого %, так и потому, что ссуда краткосрочна; она чаще всего проедается, а не идет на производственные цели. Если же бедняк входит в с.-х. кооператив, то часто числится в нем только формально, потому что доля его участия в этом кооперативе ничтожна, а значит невелико его участие в управлении кооперативом“ (стр. 125).

---

*) Из двух, применяемых авторами цит. ст. группировок—по рабоч. скоту и по посеву свекловицы—мы воспользовались второй, так как посев свекловицы в свекловичном районе является решающим обстоятельством в хозяйстве. Группировка по посеву свекловицы дает более резкие различия в других признаках, чем группировка по раб. скоту, в чем можно убедиться на следующем примере:

Процент избравших данный вид кооперации среди кооператоров каждой группы.

	По свекольности.			По раб. скоту.		
	Без пос.	До 1/2 д.	Выше 1/2 дес.	Без ск.	С 1 гол.	С 2 и более.
Потребительскую кооперацию . .	87,5	34,9	28,3	54,7	39,5	39,1
Свекловичную „ . .	9,5	61,0	71,2	43,9	58,7	57,3

„Подобная картина приводит к выводу, что наиболее важные отрасли кооперации—производственные—занимают в тех группах, в которых они должны (?) максимально развиваться, пока еще ничтожное место“ (стр. 121).

Непонятно, почему полупролетарские безлошадные хозяйства *должны* больше развить свое участие именно в сельско-хозяйственной, а не в потребительской кооперации, несмотря на отсутствие у них „хозяйственной заинтересованности“ в этой самой сельско-хозяйственной кооперации? Неизвестно, каким образом можно вовлечь в кооперацию по сбыту свекловицы крестьян, которые и свеклы-то не сеют, да и сеять ее не могут, а их ведь 43,3%? Искусственное же „создание материальной заинтересованности для бедноты путем государственного кредита“ (стр. 129) едва ли может вывести из затруднения, так как массовое превращение целого класса полупролетариев в класс единоличных самостоятельных сельских хозяев является даже для пролетарской власти мерой утопической.

ГЛАВА IV.

Классовое размежевание сельско-хозяйственной и сельской потребительской кооперации.

1. Основы разграничения сельско-хозяйственной и потребительской кооперации.

Сводя итоги исследования классового характера сельско-хозяйственной и потребительской кооперации, позволим себе напомнить несколько общих соображений о существе кооперации.

Кооперацией мы называем такое об'единение а) рабочих и примыкающих и ним городских и сельских групп неселения или б) мелкой сельской буржуазии, крестьян, при помощи которого эти классы защищаются от эксплоатации, главным образом, торгово-посреднического капитала, создавая для этого общее предприятие. В основу экономической мощи об'единения в первом случае кладется заработная плата, а во втором—свое собственное мелкое хозяйство. Кооперация первого типа, которая об'единяет *людей* заработка, эксплоатируемых торговым капиталом в качестве потребителей, называется *потребительской.*

Кооперация второго типа, которая об'единяет крестьянские *хозяйства,* эксплоатируемые обычно торгово-посредническим капиталом, в качестве производителей сельско-хозяйственных продуктов, главным образом, при сбыте их, называется *сельско-хозяйственной.*

Следовательно, потребительская кооперация об'единяет лишь таких *людей,* у которых не может быть своего производства на рынок, и может быть только или домашнее потребительское хозяйство, или подобное ему, дополняющее

рабочий бюджет, маленькое, парцелярное карликовое хозяйство с продовольственными потребительскими целями.

Сельско-хозяйственная же кооперация об'единяет такие крестьянские *хозяйства*, или „дворы“ (в лице представляющих их домохозяев), которые уже имеют какой-либо удельный вес на рынке сельско-хозяйственных продуктов. Следовательно, в нее никак не может войти та часть наших безлошадников, бескоровников, беспосевников, вообще нашей многомиллионной деревенской голи, которая чает только одного—заработка.

С этой точки зрения представляется невозможным, чтобы одно и то же лицо было одновременно (не на бумаге, а на самом деле) и членом потребительского общества (в качестве потребителя) и членом сельско-хозяйственного товарищества (в качестве уже производителя). Как представитель одного определенного класса, оно может быть лишь в одной какой-то классовой организации. Нам кажется, поэтому, бессодержательным, „функциональное“ разграничение потребительской и сельско-хозяйственной кооперации, при котором одному и тому же крестьянину предлагается устраивать рядом два кооператива: один для снабжения себя товарами личного потребления, а другой—для товаров сельско-хозяйственного назначения.

И наш мужик всегда был упрямо глух к настойчивым требованиям старых инструкторов по кооперации, запрещавщих в „потребиловке“ торговать веревками и ободьями, а в лавке сельского „банка“ (кредитного товарищества) держать спички или керосин. Понять, зачем эта ему строгая специализация, эта функциональная стройность, он никак не мог.

Немало потрачено было старыми кооператорами времени на споры, что такое, напр., гвоздь,—потребительский товар или сельско-хозяйственный. Если его забить в стенку для того, чтобы вешать одежду, то он—товар потребительской кооперации; а если его забить в борону, то он—явно должен быть отнесен к сельско-хозяйственному ассортименту. Этот схоластический спор является неизбежным, если для наших крестьянских масс строго проводить функциональное разграничение между обоими видами кооперации. И в самом деле, почему покупка сбруи для рабочей лошади—производительный расход, а покупка сапог для работника, не менее необходимых для работы, чем сбруя, не производительный, а личный расход? Крестьянская семья настолько органически вросла в крестьянское хозяйство, составляя главнейшую часть его производительных сил, что отделить в ней „потребительские“

расходы от „сельско-хозяйственных“ совершенно невозможно*).

Здесь ничего не остается, как отнести целиком всего данного крестьянина с его семьей и хозяйством или к сельско-хозяйственной или потребительской кооперативной организации. Только руководствуясь классовым признаком, можно наметить принципиальное разграничение сельско-хозяйственной и сельской потребительской кооперации. Согласно этого принципа к первым нужно отнести об‘единения крестьян—*хозяев*, как бы эти об‘единения ни назывались и какими бы операциями они ни занимались; а ко вторым—об‘единения на ряду с рабочими и таких крестьян, которые по своему существу являются теми же *рабочими*, но пока не подобранными еще слабой городской промышленностью, а потому и перебивающимися кое-как в деревне или без посева или с карликовым посевом в какую-нибудь 1 десятину**).

---

*) „Разделение же потребительских нужд крестьянина на личные, так сказать, персональные, и на хозяйственные было бы нелепостью с точки зрения экономической, потому что крестьянин желает купить гвозди подешевле, независимо от того, повесит ли он на гвоздь хомут или икону“.

„Следовательно, намечаемое сейчас разделение обязанностей имеет как будто не экономический (в смысле особого классового подхода), а технический характер, т.-е. оно исходит из того, что оба вида кооперации работают в деревне, оба нужны деревне и оба составляют неот‘емлемую часть аппарата хозяйственного самообслуживания крестьянства“. Ст. тов. Кантора во 2 № „Вестника с.-х кооперации“ за 1925 г. стр. 24.

Непонятно только, почему т. Кантор считает целесообразным это „техническое разделение обязанностей“, не имеющее под собой, по его же словам, экономической (классовой) основы.

**) „...Следует не упускать из виду, что, по существу своей деятельности, оба основных вида кооперации — потребительская и сельско-хозяйственная совершенно отличны или, как выражались буржуазные теоретики кооперации, представляют собой различные экономические категории“ (т.-е. имеют различное классовое содержание? М. В.).

„Сущность различия заключается в том, что сельско-хозяйственная кооперация, обслуживающая и организующая крестьянское производство, является чисто крестьянской организацией, выражающей целиком и полностью производственные интересы крестьянства при советском строе, т.-е. при национализированной промышленности и диктатуре пролетариата. Она как бы наиболее совершенная форма крестьянского профессионального союза. О работе же потребительской кооперации в области организации крестьянского производства уже почти не говорят, а в ближайшее будущее такая работа станет почти анахринизмом „Вестник с.-х. кооперации“ 1925 г. № 1 стр. 40. Ст. т. Кантора.

В чем же, однако, сущность различия? В различных функциях обоих видов кооперации (в „техническом разделении обязанностей“) или в классовом составе кооперируемого населения (в „экономическом — в смысле особого классового подхода—характере“)? Нам кажется, что у тов. Кантора смешаны обе точки зрения, чем создается совершенная неясность его взглядов. Мало, конечно, делу помогает и некоторая аналогия, которая чув-

— Если принять изложенную точку зрения, то необходимо сделать следующие вытекающие из нее практические выводы:

1) Никоим образом нельзя препятствовать сельским кооперативам первой степени всех наименований вести любые операции. Само входящее в них население найдет границу для этих операций в своих потребностях, т.-е. в составе классовых группировок членов, и в финансовых возможностях кооперативного предприятия *).

2) Совершенно не нужно мешать любому кооперативу входить членом в любой сельско-хозяйственный или потребительский кооперативный союз.

3) Здесь *на второй ступени* кооперативного строительства („в союзном строительстве“) технически обязательна „функциональная“ специализация кооперативных организаций. И поэтому для наших сельских первичных кооперативов, ведущих при нашей крестьянской экономике, неизбежно, сплошь и рядом, смешанные (в разнообразнейших пропорциях) операции, совершенно необходимо иметь сношения и с потребительскими, и с кредитными, и сельскохозяйственными союзными об‘единениями.

4) При такой политике классовое размежевание кооперации сложится естественно само-собой без той ненужной и вредной кооперативному делу борьбы, которя происходит в кооперативной среде вокруг этого вопроса. Помощь же этому размежеванию нужно оказывать внимательным, вдумчивым экономически-классовым подходом со стороны организационно-инструкторских сил всей нашей кооперативной системы.

ствуется в словах т. Кантора, разницы между профессиональной и кооперативной организацией пролетариата с разницей между сельско-хозяйственной и потребительской кооперацией крестьянства. Дальше поверхностной аналогии здесь не пойдешь, это только путь к тому же „техническому разделению обязаностей“.

*) „...Потребкооперация прекрасно сумеет (и должна ни в коем случае не отказываться) во многих случаях с успехом обслуживать и производственные нужды крестьянства (сбытовые), но главным образом там, в тех районах, где социально и экономически (по своим потребительским интересам) потребкооперация действительно спаяна со своими членами крестьянами...

...там, где потребительский момент вообще слаб, неизбежно господство с.-х. кооперации.

„...с.-х. кооператив должен будет выбрать производственную сбытовую базу, как основную, выполняя и другия (снабженческо потребительские) функции, поскольку они не вступят в пр тиворечие с основным производственным интересом“. Фишгендлер „К вопросу о разделении труда в кооперации“ „Экон. обозрение“ за 1925 г. вып. 14.

2. Разграничение потребительской и сельско-хозяйственной кооперации на Западе.

Посмотрим теперь с изложенной точки зрения на взаимоотношения потребительской и сельско-хозяйственной кооперации на Западе.

В этом отношении мы имеем следующие фактические указания в одной из работ А. М. Фишгендлера *),

„В странах, как глубоко *индустриальных* (Англия и Германия). так и со значительно развитой индустрией, рядом с которой имеется и весьма развитое и сильное сельское хозяйство (Австрия, Франция, Швейцария) потребительская кооперации представляет собой, главным образом, об'единение широких слоев городского населения, с ясно выраженными, чисто потребительскими интересами,—*преимущественно рабочих*. Потребительские интересы сельских производителей этих стран либо вовсе не находят своего выражения в существовании сельской потребительской кооперации, либо потребительские функции выполняются сельско-хозяйственной кооперацией по закупкам, однако они не занимают сколько-нибудь значительного места в работе последней"...

„*Кооперация этих стран*, в общем и целом, *построена по классовому признаку*, крестьянская же потребкооперация Швейцарии идейно связана со всей с.-хоз. кооперацией, не имея никаких связей с городской потребительской кооперацией".

„Сельские потребобщества *сельско-хозяйственных стран* (Россия, Венгрия, Ирландия, Дания), являясь *преимущественно потребительским типом*, выполняют в значительной степени снабженческие операции по обслуживанию производственных нужд крестьянского хозяйства—в Ирландии же и Венгрии—сбытовые операции, хотя рядом с ними существуют здесь и специальные об'единения по закупкам и сбыту".

Короче сказать, в крестьянстве развитых промышленных стран наблюдается *один тип кооператива—сельско-хозяйственный* (с известной примесью потребительских операций). Среди крестьян же земледельческих стран *наряду с сельско-хозяйственными кооперативами* имеют значительное распространение и *потребительские общества* (с примесью сельско-хозяйственных операций).

Давая этому наблюдению А. М. Фишгендлера иное об'яснение, чем то, которое дает ему сам автор, мы в то же

---

*) Сборник „Потребительская кооперация и сельское хозяйство", статья А. М. Фишгендлера: Два пути.

время согласны с ним, что наиболее ярко выявляются взаимоотношения потребительской и сельско-хозяйственной кооперации в их отношениях „на рынке сельско-хозяйственных продуктов, где они выступают в различных ролях—покупателя и продавца“.

Мы не согласны с ним, когда он говорит, что „в странах, где сельская кооперация выполняет смешанные функции, противоречие складывается в *пределах одного и того же социального слоя*—крестьянства, продающая хлеб часть его может нарушить интересы покупающей, крестьянин-сибиряк и украинец может эксплоатировать крестьянина-москвича, костромича“. В том то и дело, что крестьянин-сибиряк или украинец, *сбывающий* хлеб, и крестьянин-москвич или костромич, *покупающий* хлеб, относятся к различным социальным слоям; потому только и возможно существенное противоречие их интересов.

Крестьянство стран с развитой индустрией (Англия, Германия и пр.) гораздо более разложилось, чем стран сельско-хозяйственных. „Лишние“ в деревне, пролетаризированные крестьяне в массе уже ушли в город и там явились средой для развития потребительской кооперации. А оставшееся крестьянство превратилось в мелких хозяев предпринимателей, с господством у них рыночно-сбытовых интересов, а следовательно, и сельско-хозяйственной кооперации. Крестьянство же более отсталых, - сельско-хозяйственных стран (Россия, Венгрия и пр.)—более многочисленное, включает в себя в большом количестве скрытых пролетариев, еще не оторвавшихся от своего, с позволения сказать, хозяйства, в роде наших безлошадников, миллионами шатающихся по стране в поисках „отхожих промыслов“. Эти полупролетарские массы и представляют собой классовую основу потребительской кооперации в деревне. Рядом с ними в таких странах немало и недоразвившихся сельских капиталистических предпринимателей. Огромное же количество крестьянства занимает промежуточное положение („середняк“), сбивая иногда к отнесению всего крестьянства к одному „крестьянскому“ классу. „Середняки“ по мере связывания себя с рынком для своих продуктов являются классовой основой для развития и в земледельческих странах сельско-хозяйственной кооперации.

Вот почему в этих последних государствах мы видим в деревне оба вида кооперации: и потребительскую и сельско-хозяйственную.

По мере же индустриализации таких стран (превращения их в промышленные) и уход в город „скрытого“ пролета-

риата, деревенской бедноты, потребительская кооперация в деревне исчезает, и в то же время в них все более и более развивается сельско-хозяйственная.

В нашей Союзной республике мы должны, поэтому, найти оба вида кооперации, причем, вследствие весьма значительного у нас избыточного сельского населения, „скрытого“ пролетариата, мы должны найти здесь и значительное же развитие потребительских обществ.

К последнему времени (к 1924 г.) мы имеем следующую картину нашей *сельской* кооперативной сети:

	Число кооперат.	У них членов.	Колич. кооперирован. населения.	% кооперирован. насел.
В потребит. кооперации *) . .	21 тыс.	3.500 т.	Около 17,5 м.	16
В сельско-хозяйств. кооп. **) .	21 „	2.000 „	„ 11,0 „	10
В коллективной кооп. ***) . .	20 „	200 „	„ 1,1 „	1

*) По данным Стат.-эконом. отдела Центросоюза на 1 октября 1924 г. было в деревне 20.920 обществ потребителей с 3.523.156 членами (пайщиками), а в городе . 1 560 потреб. кооперативов с таким же, как и в деревне, числом членов—3.539.754 (вместе с транспортной кооперацией). Процент кооперированного населения, вычисленный по приему Стат.-эк. отдела Ц-за, будет равен числу 3,5 милл. пайщиков × 5 и отнесенному к 110 милл. сельского населения, что дает цифру 15,9%. Атлас диаграмм „потребит. кооперация СССР“ в 1923—4 хоз. г., изд. 1925 г., стр. 88.

**) По данным Сельскосоюза, на 1 апреля 1924 г. в союзную сеть СССР без Украины входило 15.608 сельско-хозяйственных кооперативов (без колхозов и куст.-пром. артелей), и по Украине—3.586, а всего, след., по СССР—19.464 с 1.835 тыс. членов. Кроме того, Стат. отдел Сельскосоюза определяет количество „диких“ (не вошедших в союзы) с.-х. кооперативов не менее 15%. Если из осторожности % их считать равным 10, то общее количество с.-х. кооперативов получится 21.410 с 2.019 тыс. членов. Брошюра Сельскосоюза „Сельско-хоз. кооперация СССР в 1923—4 хозяйственном году“, стр. 10.

***) По данным статьи т. Терлецкого (в № 3—4 „Большевика“ за 1925 г., стр. 52)., в 1924 году в РСФСР было 14.057 и на Украине 5.300 колхозов, а всего, след., 19·357. Кроме того, из колхозов Белоруссии, по данным Сельскосоюза, входило в сеть сельско-хозяйственной кооперации 201 колхоз. Если принять во внимание „дикие“ колхозы Белоруссии и колхозы других республик СССР (Закавказье), то общее их число по СССР мы можем смело принять равным 20.000. Так как среднее число душ в колхозе по данным Сельскосоюза, представленным им на Всесоюзное совещание колхозов, равно 55, то общее количество сельского населения в колхозах надо считать, примерно, равным 1.100 тыс. душ, что составит 1% всего сельского населения СССР.

Следовательно, потребительская кооперация в деревне в полтора раза более развита, чем сельско-хозяйственная (хотя только половина членов первой находится в деревне, а другая половина входит в состав городской кооперации *).

3. Схема территориального распределения различных видов кооперации в СССР.

Если характер кооператива так тесно связан с классовой характеристикой его членов, то мы должны в географическом распределении отдельных видов кооперации найти отражение географического распределения классов сельского населения**).

По классовой характеристике крестьянства, как мы уже видели из первой главы, у нас схематично наметилось в Европейской части Союза ССР три основных района.

1) Потребляющий север с преобладанием (около $^2/_3$) маломощного крестьянства полупролетарского типа (однодесятинных однолошадников), связанных с рынком, главным образом, в качестве продавцов рабочей силы и своих кустарных изделий, и в качестве уже не продавцов, а покупателей не только продуктов городской промышленности, но и сельского хозяйства. Это—район преобладания потребительских обществ с некоторой примесью у них и сельско-хозяйственных функций. Этот же район является средоточием и кустарно-промысловой кооперации.

2) Производящий центр с преобладанием середняка, мало связанного с рынком в какой бы то ни было форме и, следовательно, не представляющего почвы для значительного развития здесь какой бы то ни было кооперации.

Здесь легко может занять господствующее место форма зачаточного смешанного („интегрального“) кооператива, без определенного преобладания тех или иных его сторон под названием как потребительского общества, так и сельско-хозяйственного товарищества.

3) Наконец, степной юг является районом наибольшего расслоения крестьянства на безлошадную полупролетарскую массу, доходящую до половины крестьянства, и значительную, около $^3/_{10}$, часть сельских хозяев, крепких середняков,

---

*) Для полноты картины мы должны принять во внимание еще и кустарно-промысловую кооперацию, которая состоит из 7 тыс. артелей с 150 тыс. членов. Целариус „Кооперация и борьба за социализм“ стр. 80.

**) „Крестьянство наше не монолит... Районы наши беспредельны и многообразны и подходить с единой меркой и к Центрально-промышленному району, и к Сибири и Юго-востоку безсмысленно“ Цит. выше работа А. М. Фишгендлера „К вопросу о разделении труда в кооперации“.

ведущую торговое земледелие. На почве роста этой зажиточной середняцкой части выделяется уже и кулачество, хотя численно небольшое, но экономически уже достаточно сильное и уже показавшее себя достаточно жесткой эксплоатацией безлошадной сельской бедноты.

Это район господства сельско-хозяйственной кооперации с небольшой примесью и потребительских функций, об'единяющей середняков (в том числе и, главным образом, зажиточных), и рядом с ней значительного развития и более или менее чистой потребительской кооперации, об'единяющей здесь безлошадную бедноту.

Здесь же мы имеем наиболее сильные и жизнеспособные ростки коллективной кооперации в форме сельско-хозяйственных артелей. Перед последними в этом районе открываются богатые возможности, если оказана будет государственная поддержка наиболее активной части безлошадных посевщиков использовать эту форму для защиты себя от наступления со стороны кулачества *).

Различно складывающееся в разных районах отношение между обоими видами кооперации подводит нас к вопросу о том, на какие же из этих видов в разных районах Советского союза может возложить свои надежды наша многомиллионная деревенская беднота. Поэтому в дальнейшем мы остановимся подробнее на вопросе о деревенской бедноте и связанном с ним вопросе об избыточном сельском населении.

4. Деревенская беднота и сельская кооперация.

У нас уже стало общим местом, в связи с учением о „смычке“ утверждение о взаимной зависимости сельского хозяйства и городской промышленности. И действительно, понять сельское хозяйство, взятое обособленно независимо от городской промышленности, совершенно невозможно. Не подлежит сомнению, что для развития сельского хозяйства является необходимым известная пропорция в отношении его с городской промышленностью. Недостаточное развитие последней создает непереходимые границы и для роста сель-

---

*) Соотношение между крестьянством, втянутым в с.-х. коллективную кооперацию в 1923 г. на Украине и в СССР без Украины, Кавказа и Дальнего Востока равно было 1 : 2. Все же сельское население Украины в 1920 г. составляло 20,8 милл., а в СССР (без указания единиц)—86,6 милл. (по данным „Стат. Ежегодн.“ за 1921 г.); след., соотношение населения равно было 1 : 4. Отсюда вытекает, что с.-х. кооперация вместе с коллективизацией вдвое сильнее развита на Украине, чем, в среднем, в остальной части СССР. („Наши достижения“, стр. 15).

ского хозяйства. Развитие сельского хозяйства — это значит рост его продукции, что возможно лишь при увеличении для него городского рынка; развитие сельского хозяйства означает рост производительности труда и, следовательно, уменьшения (относительного и абсолютного) количества занятых в нем рабочих рук, а, следовательно, и переселения части населения из деревни в город.

Этот закон имеет приложение не только в условиях капиталистического развития; он сохраняет вполне свою силу и в переживаемый нами переходный период диктатуры пролетариата и государственного капитализма.

„По самой своей природе, капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно, следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения". (Капитал т. III, стр. 526). Таким образом, говорит тов. Ленин, приведя только что цитированный отрывок из Маркса, нельзя себе представить капитализма без увеличения торгово-промышленного населения за счет земледельческого, и всякий знает, что это явление самым рельефным образом обнаруживается во всех капиталистических странах". („Развитие капитализма в России" стр. 5).

Совершенно нет ни малейших оснований нам отвергать этот закон развития для нашей эпохи НЭП'а. Если же мы его примем, то перед нами станет во весь рост вопрос о том взаимоотношении городской промышленности и сельского хозяйства, в котором они находятся у нас в настоящее время. А несомненно, что теперь мы имеем непропорционально слабую промышленность, пока еще не отвечающую по своему размеру нашему сельскому хозяйству. Вспомним, что к началу 1925 г. наша промышленность только что подошла к половине своего довоенного уровня. Такое положение вещей означает огромное избыточное население нашей деревни. Если к этому избыточному (излишнему) населению отнести все крестьянство, лишенное всякого крупного скота (лошади и коровы) и составляющего, примерно, одну четверть всех крестьянских дворов. (В 1922 г. в РСФСР его было 23,8%),

то избыточное сельское население во всем Союзе составит около 5 мил. дворов или свыше 20 мил. душ населения.

20—25 лет тому назад с такой же посевной площадью, как теперь, справлялось сельское население, бывшее на 21 мил. душ менее настоящего *).

Это совершенно лишняя в деревне масса людей давлением своего обесцененного труда в местах своего скопления делает экономически невозможным технический прогресс, рост производительности труда в сельском хозяйстве, введение усовершенствованных машин и т. д., так как человек—самая совершенная машина—почти ничего там не стоит.

Избыточное население нашей деревни до революции 1905 г. определялось около 5 мил. взрослых мужчин.

„Прилагая свои силы к земле, которая могла бы быть обработана и без них, они понижают производительность крестьянского труда на 30% и, растворяясь в общей массе крестьянства, спасаются от пролетаризации путем пауперизации еще более широких крестьянских масс" **).

Нужно прямо сказать, что раз имеется избыточное сельское население, оно не может быть поглощено развивающимся сельским хозяйством ни при каких условиях, и, следовательно, никакой сельско-хозяйственной кооперацией это избыточное население не превратишь в сельских хозяев. Сельско-хозяйственная кооперация кооперирует, т.-е. прежде всего об'единяет хозяйственные единицы, *хозяйства*, хотя бы и самые скромные, а не просто людей, имеющих только руки и рты. Из ничего и кооперация ничего не может сделать.

Задачу же устроения беспосевных, безлошадных, бескоровных, безинвентарных, лишенных рабочего скота, словом скрытых под оболочкой „крестьянина" пролетариев, не имеющих основных производительных сил и составляющих с семьями более 20 мил. душ, сельско-хозяйственной кооперацией не разрешишь. Им нужно приготовить место в городе, в промышленности. Уйдя из деревни, эти 20 мил. душ повысят в ней стоимость труда и этим дадут толчек поднятию

---

*) Еще в 1920 г., по последней Всероссийской переписи, мы имели в СССР 111 милл. душ сельского населения („Стат. ежегодник Ц.С.У." за 1921 г.), на 21 мил. больше, чем 23 назад, в 1897 г., когда, по первой Всеросс. переписи, сельское население, в границах СССР, равно было 90 мил. душ. Посевная же площадь в настоящее время, в 1924 г. только что достигла тех размеров, какие она имела также 23 тому назад, в 1901 г., а именно 75 с лишним мил. дес. (Борисов. „Экон. география", стр. 49).

Правда, посевная площадь у нас продолжает из года в год возрастать, но не отстает и сельское население, ежегодный прирост которого, сверх поглощаемого городской промышленностью, достигает 1—1½ мил. душ.

**) Троцкий, „1905 г." стр. 37.

сельско-хозяйственной техники и, следовательно, росту производительности сельско-хозяйственного труда *).

Дело сельско-хозяйственной кооперации не прокормить лишних людей в деревне, а поднять сельское хозяйство остальных крестьян, у которых уже есть за что уцепиться, будь то хоть 1 корова или 1 лошадь.

„Чисто бедняцкие хозяйства, говорит А. И. Хрящева *), не играют роли, как товаро-производители на рынке сельско-хозяйственных продуктов; они товаро-производители другого рода—они поставляют освобожденную от собственности раб. силу в промышленность или земледелие. Что наша промышленность не может купить эти раб. силы—это вопрос другой; роль пролетаризированного крестьянства от этого не меняется. И если бы процесс диференциации нашел благоприятную почву для своего развития в настоящем,—результат для бедноты был бы тот же, что и до революции“.

„В этом смысле необходимо развить в деревне культурно-политическую работу среди бедноты, чтобы она, когда придет в город, в промышленность, могла бы вступить в ряды рабочих равноправным членом в союзах“.

Однако, дальнейшие советы А. И. Хрящевой этой бедноте, ею же самою обреченной на судьбу городского пролетариата, 1) „организоваться в товарищества по закупке или аренде орудий и машин, 2) переходить к общественной обработке и уборке своих полей“ совершенно не вяжутся с предыдущим ее изложением и с ее же статистическими материалами. Делу нисколько не помогает и то, что она для обоснования этих своих советов прибегает к „сказке“.

„Сказка о неломающемся венике, так кончает она свою книгу, применима вполне и в данном случае: не сломить невзгодам крупное общее хозяйство; но как легко сломить каждое из маломощных хозяйств в отдельности“.

Но вопрос об излишнем избыточном сельском населении стоит не одинаково для разных районов нашей страны. В северной потребляющей полосе вопрос об избыточном сельском населении стоит особенно остро. Однодесятинный посев большинства крестьян даже при наличии у них раб. скота говорит о чрезвычайной здесь земельной тесноте. У деревенской бедноты этого района, местами являющейся сплошной массой крестьянства (особенно в Белоруссии), до тех пор, пока

---

*) „Этого рода расцвет мелкого хозяйства (в период военного коммунизма) есть простое выражение того, что эти „мелкие собственники“ лишились на время возможности быть пролетариями“.

„*Об'ективно мелкое хозяйство бедноты было „самостоятельным“ хозяйством безработных*“. Крицман. „На агр. фр.“ № 2, 1925 г., стр 50.

*) „Группы и классы в крестьянстве“, стр. 87.

городская промышленность не сможет поглотить значительную ее часть, кооперация может помочь только в виде — потребительской и кустарно-промысловой. При этом потребительская кооперация может обслуживать лишь пролетарские интересы бедноты, поднимая „реальное" значение заработков, т.-е. защищая эти заработки от обесценения торговцами при покупке предметов личного потребления. Кустарно-промысловая же, увеличивая внеземледельческий заработок крестьянина, тем самым будет ослаблять избыток рабочих рук в сельском хозяйстве и этим способствовать развитию последнего, в то же время в известной мере восстанавливая поколебленное равновесие между сельским хозяйством и промышленностью. Поэтому *кустарно-промысловая кооперация в потребляющей полосе страны приобретает в настоящее время весьма крупное значение*.

Иное положение создается на степном юге республики. При относительной редкости населения, при благоприятных условиях для сельского хозяйства в этом районе, здесь нельзя говорить об остро стоящем вопросе об избыточном сельском населении, об излишке рабочих рук. Если мы здесь и находим обширные массы бедноты, целую половину дворов без раб. скота, то причины этого заключаются совсем не в том, что этим крестьянам здесь делать нечего. Напротив, их труд находит полное приложение в сельском хозяйстве. Здесь „обезлошадение" произошло на почве капиталистического развития сельского хозяйства и разорения благодаря гражданской войне и голоду.

Поэтому для бедноты юга стоит прежде всего вопрос о классовой его организации для борьбы его с кулачеством не только в политическом отношении („комнезамы"), но и в экономическом („колхозы"). Здесь, при надлежащей помощи пролетарского государства, кооперативный выход из тупика — в виде организации сельско-хозяйственных артелей является вполне жизненным делом. Пока же беднота организуется в потребительские общества, оставляя сельско-хозяйственную кооперацию снабженческо-сбытового характера для середняцкого крестьянства как маломощного, так и зажиточного. Следовательно, противоречивое заключение А. И. Хрящевой: „воздействие на бедняцкие слои может и должно выразиться в двух направлениях: 1) непосредственной экономической помощи и воспитания коллективного хозяйства; 2) подготовки этого класса к его будущей роли рабочего в городе", становится не противоречивым, если его первую часть — о коллективизации применить к южной бедноте, а вторую часть о неизбежности превращения в промышленный пролетариат — к северной.

Производящий центр, занимая промежуточное место по целому ряду хозяйственных признаков, также и в отношении избыточного населения занимает переходное положение от потребляющего севера к степному югу, а потому сказанное выше по отношению к одному и по отношению к другому району имеет одновременно применение к этой полосе, но в значительно ослабленной степени.

Существенное изменение в вопросе об избыточном сельском населении получится, если широко будет налажена работа нашего сельского хозяйства на заграничный рынок. Тут уместно вспомнить, что датское сельское хозяйство могло подняться на теперешнюю свою высоту только потому, что оно было и в смысле хозяйственном, и в смысле расстояния (т.-е. экономически и географически) тесно связано с английским городским рынком для своих продуктов. Приспособление нашего крестьянского хозяйства для производства экспортных продуктов, годных для заграничного рынка, открыло бы широкий простор для увеличения его трудоемкости, для его интенсификации и, следовательно, поглащения части избыточного сельского населения. Это открыло бы простор для широкого расцвета специальных отраслей сельского хозяйства и во многих местах потребляющей полосы (лен, картофель, масло), а особенно оплодотворило бы сельское хозяйство юга, соприкасающегося с лучшим морским путем за границу, Черным морем. Широкое развитие экспорта втянуло бы в товарный оборот и дало бы расцвет и нашему наиболее экономически застоялому полунатуральному земледельческому центру.

В таких условиях было бы обеспечено, как и в Дании, быстрое развитие у нас сельско-хозяйственной кооперации, особенно сбытовой, которая в свою очередь послужила бы орудием небывалого развития нашего сельского хозяйства. Сельско-хозяйственные же артели юга, связавшись с заграничными рынками, опираясь на применение таких усовершенствованных орудий, как трактор, и имея на своей стороне все благо приятные рыночные и почвенные условия (и политические), заложили бы прочный фундамент для нового типа сельского хозяйства, для расцвета подлинной социалистической сельской кооперации.

Получивши могущественный толчок для своего развития, благодаря экспорту, наше окрепшее сельское хозяйство явилось бы превосходной основой для расцвета и нашей государственной промышленности, рост которой полностью поглотил бы и остальное избыточное сельское население.

Заключение.

Подводя итоги работе, мы должны подчеркнуть, что при разборе классов в современном крестьянстве мы значительное его большинство относим к той категории, которая носит название „середняков".

Из этой группы исключаем, с одной стороны, деревенскую „бедноту", т.-е. класс сельских пролетариев и полупролетариев, сводящих концы с концами только при помощи посторонних заработков, но, по отсутствию у себя средств производства, лишенных возможности подняться вверх. Типичным представителем этого класса, для средних условий нашей страны, является крестьянин, не имеющий ни лошади, ни коровы, а таких у нас в 1922 году было около $^1/_4$ части дворов (23,8 %), включающих в себя, примерно, $^1/_5$ часть всего крестьянского населения.

С другой стороны, из середняцкого крестьянства мы исключаем класс богатых крестьян „кулацкого" типа, признаком которого является постоянное привлечение в свое хозяйство посторонних рабочих рук, хотя и в замаскированной форме (отработков, супряги и т. д.), т.-е. эксплоатация наемного труда.

При наличии 4 лошадей (или других единиц рабочего скота) становится уже невозможным справиться с хозяйством силами работников только своей, хотя и крупной семьи, какие обычно бывают у богатых крестьян. Наем посторонних рабочих рук становится неизбежным. А хозяйств с 4 и более единицами рабочего скота в 1923 году по СССР было 1,6 %.

Таким образом, к классу кулаков, понятно условно, скорее в качестве примера, иллюстрации, мы можем отнести 1—$1^1/_2$% крестьянских дворов, имеющих около 2% сельского населения.

Класс середняков, таким образом, включает в себя не менее $^3/_4$ всего крестьянства, состоя в свою очередь по крайней мере из двух групп: а) маломощного большинства (около $^1/_2$ всех дворов), ведущего наиболее натуральное хозяйство и владеющего обычно 1 лошадью и 1 коровой и б) креп-

кого меньшинства (около 1/4 всех дворов), связанного прочно с рынком, в качестве продавцов продуктов своего хозяйства, и имеющего по 2—3 лошади и, приблизительно, столько же коров.

Если деревенская беднота представляет собой, по своему экономическому существу, продолжение рабочего класса в крестьянской оболочке, то „середняк“ является многочисленным классом мелких самостоятельных сельских товаропроизводителей, не прибегающих к найму чужих рабочих рук, классом, близким, по своей природе, к городскому ремесленнику.

Деревенская пролетарская и полупролетарская беднота политически, естественно примыкает к городскому пролетариату, связываясь с ним в единую организацию через профессиональный союз работников земли и леса, „комнезамы“ на Украине, потребительские общества, и входя, наконец, в известной мере в ряды коммунистической партии. Эта деревенская беднота, таким образом, втягивается в участие вместе с городским рабочим в осуществление „диктатуры пролетариата“.

Середняк же представляет собой, как раз, тот класс крестьян, с которым пролетариат устанавливает политический „союз“, на основе совместной революционной борьбы в период военного коммунизма, гражданской войны, и на основе экономической „смычки“ в период новой экономической политики.

— И вот одной из важнейших форм этой смычки рабочего класса с классом крестьянского середняка и является сельско-хозяйственная кооперация снабженческо - сбытового характера, в виде кредитных и сельско-хозяйственных товариществ, маслодельных и картофелетерочных артелей и т. п. (Политическую же сторону этого союза должны закрепить, при содействии бедноты, крестьянские комитеты взаимопомощи).

При капиталистической системе крестьянская кооперация включается в круг влияния банковского капитала, который, собирая через кредитные товарищества крестьянские сбережения, этим усиливает себя, а через предоставление им кредита и вообще с помощью всех средств финансового капитала, ставит их в зависимость от себя и, таким образом, охватывает самые отдалённые деревенские углы своими щупальцами.

При Советской власти пролетариат „в состоянии не хуже, чем капитал, при помощи политики цен, железнодорожных тарифов, таможенных пошлин, кредита и пр., словом, через сферу обращения, руководить всем народным хозяйством.

... В частности и в особенности пролетариат не в меньшей мере, чем капитал, в состоянии определить характер об‘единения мелких хозяев для торговых целей (сбыта, закупок, кредита): если при господстве капитала кооперация мелких хозяев носит капиталистический характер, включается в систему капитализма, то при господстве пролетариата она принимает характер социалистический, т.-е. включается в общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму.

Именно это включение в систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму, превращает об‘единения мелких хозяйств (как кооперативы по сбыту, кредитные и другие, так и их производственные об‘единения) в об‘единения социалистического типа. Товарищеское об‘единение мелких хозяев может стать переходным моментом на пути к социализму, но может стать переходным моментом и на пути к капитализму (превращение в паевое товарищество мелких капиталистов); станет-ли оно тем или другим, зависит прежде всего от того, частью какой хозяйственной системы оно становится.

Борьба с частным торговым капиталом и есть борьба за установление вместо смычки капиталистической, т.-е. стремящейся вести к капитализму, социалистической смычки мелких хозяев и руководимой пролетариатом промышленности, т.-е. стремящейся вести к социализму“*).

Сельско-хозяйственная кооперация, следовательно, в условиях диктатуры пролетариата есть одна из важнейших орудий проведения смычки рабочего класса с середняцким большинством крестьянства.

Деревенская же пролетарская и полупролетарская беднота в кооперативном отношении об‘единяется, как и городской пролетариат, потребительской кооперацией, а в своей части, наиболее сохранившей остатки собственного хозяйства, кроме того, на Юге и в сельско-хозяйственные артели, а на Севере— в артели кустарно-промысловые.

Таким образом, потребительской кооперации, в нашей деревне, изобилующей деревенской беднотой, в настоящих условиях принадлежит важнейшая роль, так как она является там самым левым флангом деревенской кооперации, и так как она представляет собой один из способов об‘единения городского пролетариата и деревенской бедноты, в употребляемом здесь смысле этого слова, т.-е., по существу, сель-

*) „Большевик“ за 1925 г., № 2, ст. т. Крицмана „Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции“, стр. 44.

ского пролетариата же, в единый класс, осуществляющий в нашей стране свое политическое руководство.

Каковы же перспективы, какие возможности открываются перед нашей кооперацией в условиях Советской власти?

Несомненно, при диктатуре пролетариата, кооперация должна выполнить задачи, неизмеримо более широкие, чем при власти буржуазии. В Советской Республике кооперация имеет не только оборонительные, как прежде, но и наступательные преобразовательные цели.

„Прежде кооперация должна была быть орудием борьбы только против эксплоатации капитала, но не против самого капитала.

Теперь она должна стать орудием борьбы не только против эксплоатации капитала, поскольку эта эксплоатация еще сохраняется, но и, главным образом, орудием борьбы против самого существования капитала“*).

В городе, связанном государственной промышленностью в один экономический организм, потребительская кооперация, тесно переплетенная с другими пролетарскими организациями, профессиональной и партийной, должна, по мере усиления промышленности и поднятия заработной платы, совершенно преобразовать организацию всего потребления пролетариата на общественных кооперативных началах, что поведет к глубоким изменениям и домашнем и семейном быту рабочего класса. Потребительская кооперация, таким образом, должна сыграть одну из важнейших ролей в превращени советского города в коммунистическую общину. Эти коммунистические формы потребления и общежития, естественно, будут проникать из города и в деревню по линии потребительской кооперации, прежде всего, в пролетарские и полупролетарские сельские массы.

Рабочий класс Республики, устранивши частный посреднический капитал, кооперировавши на все 100% приобретение продуктов не только городской промышленности, но и сельского хозяйства, протянет свою потребительскую кооперативную руку мелкому сельскому товаропроизводителю. Навстречу ему крестьянин „середняк“ протянет свою также кооперативную руку в виде своих сельско-хозяйственных сбытовых и других кооперативов.

В месте соприкосновения пролетарских и крестьянских кооперативных организаций, при отсутствии частного капиталистического посредника, и произойдет кооперативное соединение рабочей руки и руки крестьянской. Так будет осуще-

---

*) Мещеряков. Современная кооперация. Стр. 121.

ствлена через кооперацию подлинная смычка между пролетариатом и крестьянством.*)

В то же время наша крестьянская „середняцкая“ масса, избавившись при посредстве кооперации от эксплоатации посредников и кулаков, кооперативно обобществит все свое снабжение, весь свой сбыт и переработку продуктов своего хозяйства, создаст на кооперативных началах все необходимые для сельского хозяйства подсобные предприятия и агрономические учреждения и, высоко поднявши, таким образом, производительность труда в отдельных хозяйствах, тесно привяжет себя к социалистическому городу, поставивши деревню в хозяйственно-плановую зависимость от пролетарской государственной власти.

Таким образом, создастся своеобразная система сельского государственного капитализма, „домашняя форма социалистического хозяйства“, как отправная точка для преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. Это будет грандиозная, включающая в себя многомиллионное крестьянство, кооперативная система, для которой характерным является соединение двух начал: единоличного (частнособственнического) и общественного (социалистического). Преобразование же кооперативной деревни в социалистическую будет происходить, по мере проникновения в нее из города, опять же кооперативным путем, новой совершенной техники, т.-е. электрификации.

На Юге коммунизирование деревни должно совершиться быстрее, благодаря широкому, в будущем, развитию здесь коллективных хозяйств, сеть которых послужит основой коммунистического строя в деревне.

Понятно, что темп этого „врастания“ в коммунизм будет находиться в решительной зависимости от нашего международного положения и от развития коммунистического революционного движения в мировом масштабе.

---

*) Поскольку потреб. ко-ция является крупнейшим потребителем с.-х. пищевых продуктов (и не только городская и рабочая ее части, но и кооперированное в ней сельское население потребляющих районов), постольку перед ней стоит по преимуществу проблема з а г о т о в о к в сугубом смысле слова, а не с б ы т а... Здесь — важнейший узел нашей политики смычки...

Ориентация на растущую роль товаро-оборота между кооперированной деревней и городом, кооперированным сельским населением производящих и потребляющих районов, т. е. на закупку со стороны потребкооперации нужных ей сельско-хоз. продуктов у специальных и иных об'единений Сельско-хоз. ко-ции — очередная задача".

А. М. Фишгендлер „Очередные проблеммы" Эк. обозр. за Сентябрь 1925 г.

Но так или иначе, очень быстрым или очень медленным темпом, но к социализму наша советская страна будет двигаться, путь ей открыт, хотя дорога и очень трудна.

Предсказание тов. Ленина об осуществлении через кооперацию социалистического строя в нашей крестьянской стране, раз власть уже находится в руках пролетариата, неизбежно должно оправдаться.

„В сущности говоря,—писал тов. Ленин в своей знаменитой статье „О кооперации“,—кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население, при господстве НЭП‘а есть все, что нам нужно...

Это еще не построение социалистического общества, но это—все необходимое и достаточное для этого построения“.

Март 1925 г.

Литература.

При составлении настоящей работы автор пользовался следующими литературными источниками:

Ленин. Собрание сочинений, т. т. III и IX.

Маркс. Капитал, т. III.

Троцкий. 1905 г.

Резолюции и постановления XIII с'езда РКП (б).

Невский. Очерки по истории РКП. (б).

А. П. Смирнов. Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства.

Кондратьев и Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства СССР.

Огановский. Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке.

Ал. Ал. Мануйлов. К теории сельско-хозяйственной эволюции.

П. Попов. Сельское хозяйство Союза Республики.

А. И. Хрящева. Группы и классы в крестьянстве (к XIII с'езду РКП (б).

А. И. Хрящева. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 19 г.

А. И. Хрящева. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства.

Хрящева. Статья в „Экономическом Обозрении“ за 1924 г. 9—10 вып.

Ц. С. У. Статистический Ежегодник за 1921 г.

Н. К. Ф. Статистическйй сборник: Сельское хозяйство СССР в 1923—24 г.

Мещеряков. Современная кооперация.

Туган-Барановский. Социальные основы кооперации.

Прокопович. Сельско-хозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства.

А. Лозовой. Сельско-хозяйственная кооперация и значение ее в современных условиях.

Целариус. Кооперация и борьба за социализм.

И. А. Конюков. Коллективное земледелие.

Сельскосоюз. Сельско-хозяйственная кооперация в системе государственного капитализма.

Сельскосоюз. Сельско-хозяйственная кооперация СССР в 1923—4 хоз. г.

Сельскосоюз. Сельско-хозяйственная кооперация на местах.
„ „Наши достижения".

Союз Картофель. Картофельная кооперация.

Льноцентр. Сельское хозяйство и с.-х. кооперация Гжатского уезда.

Под редакцией **Биценко**. Обследование сельско-хозяйственных коммун.

Центросоюз. Потребительская кооперация и сельское хозяйство. (Сборник статей).

Центросоюз. Атлас диаграмм „Потреб. кооперация СССР" 1923—4 хоз. год.

Центросоюз. Потребительская кооперация СССР в 1923 г. ч. I и ч. II.

Центросоюз. Потребительская кооперация в народном хозяйстве СССР в 1923—4 хоз. г.

МСПО. Московская потребительская кооперация в 1923 г.
„ Год деятельности первичных кооперативов Москов. союза п. о. (1922 г.).

Потребительская кооперация в цифрах и диаграммах. Издание Харьковского Губсоюза (б. „Поюра").

Хейсин. Альбом рабочей кооперации.

„Союз потребителей" за 1924 и 1915 г.

„Вестник сельско-хозяйственной кооперации" за 1915 год, №№ 2, 3, 4, (ст. т. Кантора).

„Правда" за 1924 и 1925 г.

„Большевик" за 1924 г., № 15—16 (ст. т. Капитонова) и за 1925 год: № 3—4 (ст. т. Терлецкого), № 5—6 (ст. т. Кантора и Хрящевой).

„На аграрном фронте“ 1925 г., №№ 1 и 2, статьи тов.: Крицмана, Терлецкого, Хрящевой и Ларина. И № 3, „Расслоение деревни и кооперация“ работы трех авторов: Вильда, Ужанского и Цилько.

Особо нужно указать на следующие работы *А. М. Фишгендлера*, посвященные классовой проблеме в кооперации: 1) „Два пути“ в упомян. сборнике „Потреб. кооперация и с.-х.“, 2) „Кооперация в Зап. Европе и России“.

Статьи в „Экономическом Обозрении“: 3) за сент. 1924 г. „Очередные проблемы“; и 4) в 14 вып. от 25 июля 24 г. „К вопросу о разделении труда в кооперации“, 5) гл. XII в книге „Швейцарский союз потребительных обществ“.

6) Статья „Взаимоотношения сельско-хозяйственной и потребительской кооперации на Западе. Англия, в „Трудах Центросоюза“, вып. IV, за ноябрь 1919 г.

